

НА НОЖАХ СО ВСЕМ СУЩЕСТВУЮЩИМ

Анон.

Альфредо Бонанно

Ферал Фавн

Хавьера Эрнандес

**Умопомрачительный
САМИЗДАТ**

НА НОЖАХ СО ВСЕМ СУЩЕСТВУЮЩИМ

Анон.
Альфредо Бонанно
Ферал Фавн
Хавьера Эрнандес

Перевод с английского и итальянского Александра Бренера
и Барбары Шурц

Рисунки А. Б. и Б. Ш.

Special Thanks to Jean Weir and Elephant Editions

Умопомрачительный Самиздат
Рига 2006

Оглавление

<u>Оглавление</u>	3
<u>ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ</u>	4
<u>К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ</u>	11
<u>Альфредо Бонанно</u>	11
<u>ВООРУЖЁННАЯ РАДОСТЬ</u>	11
<u>Альфредо Бонанно</u>	34
<u>ПОВСТАНЧЕСКИЕ АНАРХИСТЫ ПРОТИВ НОВОГО</u> <u>ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА</u>	34
<u>Альфредо Бонанно</u>	42
<u>ЖИЗНЬ НА КОНУ</u>	42
<u>Анон</u>	44
<u>НА НОЖАХ СО ВСЕМ СУЩЕСТВУЮЩИМ, ЕГО ЗАЩИТНИКАМИ И</u> <u>ЛОЖНЫМИ КРИТИКАМИ</u>	44
<u>Ферал Фавн</u>	60
<u>АНАРХИСТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА</u>	60
<u>Хавьера Эрнандес</u>	66
<u>ТИРАНИЯ СЛАБОСТИ</u>	66
<u>Альфредо Бонанно</u>	68
<u>О САМООРГАНИЗАЦИИ</u>	68
<u>Альфредо Бонанно</u>	70
<u>ОТКАЗ ОТ ОРУЖИЯ</u>	70
<u>Альфредо Бонанно</u>	72
<u>ВЫСТУПЛЕНИЕ НА АНАРХИСТСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,</u> <u>СОСТОЯВШЕЙСЯ В МИЛАНЕ 13 ОКТЯБРЯ 1985 ГОДА НА ТЕМУ</u> <u>«АНАРХИЗМ И ПОВСТАНЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»</u>	72

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

1.

Мы работали с этими текстами. Мы их для себя открывали. Мы ими поражались, мы ими заражались. Они - наши. Они вошли в наше тело и в наши мысли. Они взбесили наше воображение. Разве это жизнь вокруг нас? Нет, жизнь - другое. Мы хотим прорваться к жизни. Для этого нужно атаковать смерть. Будьте прокляты все писатели. Будьте прокляты все издатели. Будьте прокляты, левые и правые. Идите к чёрту, осторожные и ухмыляющиеся. Сгинь, хам. Мы любим тебя, Альфредо Бонанно, мечтатель, повстанческий анархист. Ты в тюрьме? Кто разрушит эту тюрьму? Птицы? Звери? Боги? Индейцы? Ты, читатель? Мы должны разрушить эту тюрьму.

2.

Как должны действовать книги?

Так, как эта книга подействовала на нас. Она посеяла смуту. Она разрушила перемирие. Она подняла восстание. Она сказала нам: станьте другими. Как стать другими? Как покончить с соглашательством? Как вырвать язык послушания? Как научиться говорить невероятное, смехотворное, неприемлемое? Как не лгать себе? При чём здесь анархизм? Почему мы в изоляции? Почему вокруг одни холуи и хозяева? Почему люди не выдерживают настоящего разговора? Как овладеть оружием? Как возродить воображение? Что это значит?

3.

Как вырвать страх? Можно ли этому научиться? Как вдохнуть в себя ночь? Как пуститься в пляску?

4.

Один французский философ сказал, что есть книги, само пребывание которых на полке книжного магазина должно вызвать неминуемый взрыв и разрушение этого магазина. И даже ближайшие дома могут пострадать.

Мы в этом сомневаемся. Где вы видели, философ, такие книги? В каком философском сне? Где эта книга?

5.

Наоборот, наступили времена, когда книги не вызывают взрывов ни в книжных магазинах, ни в правительственных особняках, ни в частных библиотеках. Книги протухли. Они дурно пахнут. Они за версту воняют проституцией, деньгами, конкуренцией, желанием успеха, коррумпированными интересами, жлобством, ложной критикой, рекламой, самодовольством. Они стали бойким товаром. Они превратились в дополнение к компьютеру и кинематографу. На их обложках - голливудские актёры и чавкающие фотомодели. Фуко на одной полке с Акуниным: так им на роду написано.

6.

Но есть исключения. (Они всегда есть.) Например, авторы, собранные под этой обложкой, не таковы. Они - не товар. Они не наведывались в издательские дома, чтобы быть

напечатанными, и не продавались в приличных магазинах. Их вещи выходили в самиздате. Самиздат - сам пишешь, сам печатаешь, сам распространяешь. Так действуют, между прочим, нищие писаки, сбывающие свои опусы в берлинских или лондонских кафе. Они печатают и продают себя сами поневоле, потому что не нашли издателя. Но наши авторы не таковы. Самиздат для них - сознательный и последовательный выбор. Потому что они - против всех существующих учреждений. Против издательств, книжного бизнеса, парламентов, заводов, партий, тюрем, психбольниц, супермаркетов, полицейских участков, музеев, архивов, армий (в том числе сапатистской), академий, школы, семьи, дизайнерских бюро, музыкальной индустрии, церкви, спорта... Против всех «авангардов» и «арьергардов». Против извечного партнёрства капитала, культуры и государства. Против любых боссов, «знатоков» и «специалистов». Против ложной критики оплачиваемых интеллектуалов. Против разрешённого искусства (в том числе и «радикальных» художников). Против авторитетных революционеров и «координаторов». Одним словом, против всех деталей, частей и отделов наличествующей социальной машины и так называемой оппозиции. Против общества.

7.

Возможно ли это? Быть против всего? Возможно, если вы - повстанческие революционные анархисты.

Но что это такое?

Что значит быть анархистом?

8.

Забудьте о Кропоткине. Не вспоминайте о Махно. Анархизм - это не концепт, высеченный золотыми буквами в мраморе на столетия. Это не религиозная догма, не идеологическая доктрина и не политическая теория. Анархизм - способ жить, а жизнь (молоды мы или стары) не есть нечто раз и навсегда данное, зафиксированное: она - риск, откровение, приключение, слом, творческий акт, испытание. Впрочем, так может сказать не только анархист. Анархист же добавит: риск индивидуального освобождения, приключение коллективного восстания, открытие революционной возможности, творческий акт неподчинения, испытание разрушением. И для анархиста это - не пустые звуки. Они - вторжение божественности, вызов миру, поиск и постоянное усилие.

Слова и фразы звенят, как медные тарелки. «Анархизм!» «Вызов!» «Божественность!» «Усилие!» Болтать, как всегда, легко. Быть трудно.

Альфредо Бонанно говорит: «Наш выбор - повстанческий. В то же время он анархистский. Это одновременно выбор сердца и ума, характерологический и аналитический выбор. Для анархистов нет иного пути, кроме немедленного и разрушительного вмешательства. Вот почему мы - повстанцы, и вот почему мы против всякой болтовни и идеологии. Мы против любой идеологии анархизма и болтовни об анархизме. Время застольных дискуссий прошло. Враг - рядом, за ближайшей

дверью. Он видим и осязаем. Следовательно, это только вопрос нашей решимости, сможем ли мы атаковать его. Я уверен, что повстанческие анархисты знают, какое время выбрать для атаки и какие средства избрать для неё. А уже разрушив врага, мы реализуем анархию».

9.

Проблема, однако, остаётся: чтобы понять эти точные и ясные слова, нужно уже (хоть немного) быть повстанческим анархистом. Характерологически. Поведенчески. Нужно перестать функционировать. Нужно начать быть. Стать самим собой. То есть неприемлемым.

10.

Итак, есть группа людей в этом мире. Небольшая, малочисленная группа. (Хотя её значение не исчисляется в арифметических единицах.) Это - анархисты-повстанцы. По-английски они называются: Insurrectionalist Anarchists. Их теоретическая база находится в Италии, но действуют они не только в этой стране. Их организация носит абсолютно неформальный характер. Правильнее сказать, это даже не «организация», но множество маленьких групп и индивидов, объединённых общим пониманием теории и практики. А иногда повстанческие анархисты вообще не теоретичны (в банальном смысле этого слова), но действуют (интуитивно и спонтанно) в полном согласии с идеями повстанческого анархизма. Сладко принадлежать к этому движению (или состоянию?), ибо оно - поэзия и правда нашего времени.

11.

У повстанческих анархистов нет никакой социальной или организационной идентичности, которую они могли бы защищать. Они не верят ни в партии, ни в авангардные группы, ни в передовое революционное подполье. Их союзы всегда носят неформальный и временный характер. Они, как и их атаки, направлены не на то, чтобы пропагандировать или защищать себя, но чтобы наносить постоянные удары по власти, чтобы разрушить государство и капитал, технологии и деньги, все институты и механизмы господства. Именно здесь - в решимости атаковать - теория и практика повстанческих анархистов совпадают. Вот как они говорят об этом сами:

«Мы считаем, что вместо традиционных структур «пролетарского», а на самом деле буржуазного типа (партий, профсоюзов, блоков, федераций, союзов и пр.), нужно создавать небольшие группы близости (по три-четыре-пять человек), базирующиеся на силе и прочности личного знания. В двух словах: на любви и дружбе. Группа близости - новая форма сопротивления в эпоху окончательной коррумпированности организаций старого типа. Группа близости - форма повстанческой активности в эпоху полной социальной атомизации и разрушения непосредственных человеческих связей. Именно такие группы хорошо приспособлены, чтобы совершать нападения на врага и объекты власти. При этом повстанческая анархистская группа действует не

изолированно, но (по возможности) в контакте с другими группами близости и отдельными индивидами, готовыми к нападению. Группы делятся друг с другом информацией, знаниями, инструментами и всем остальным, необходимым для реализации атак. Никто и никогда не стоит над этими группами и индивидами как высшая инстанция: никакой лидер или организация, никакой конгресс или съезд».

12.

Понимаешь ли ты, читатель, о чём идёт речь? Понимаешь ли ты себя?

13.

Два эти вопроса абсолютно взаимосвязаны. Начнём со второго. Понимать себя трудно.

Но без этого нет жизни, нет воображения, нет поступка. Без этого вообще ничего нет. Между тем из всех окон вопят:

«Не дадим тебе, сосунок, понимать себя! Заморочим!» Из родительских окон, из учительских окон, из вечных фабричных окон, из ресторанов, кафе, офисов, конференц-залов, всяческих аудиторий, галерей, универмагов, судов, кабинетов вопят: «Нет, ублюдок, не дадим тебе осознать себя! Заболтаем!» И шёпотом добавляют: «Выучи азбуку и информатику. Тогда научим тебя выживать». И суют тебе пару книжек. И телевизор. И фломастеры. И журналы. И компьютер. И ещё пару книжек. Ах, как мы любим книги! Ох, мы их всё ещё любим! Понимаемые наполовину, на четверть. Книги - такие соблазнительные, поучительные, объясняющие любовь и войну, вселенную и власть, рабство и Империю... А потом, поздно ночью, шепчущие на ухо то же самое: «Ни-ни-ни... Сиди смиреннько... Замордуем!» Смерд слов, навязанных господско-холуйской культурой! Антонио Негри прогрессивный менеджер, потомок прусского буржуа, пьющего за разрушение Бастилии. Фуко, хохочущий на манер Передонова, - в студенческий анус. Плачущий, как Горький в ГУЛАГе, печальный профессор Делёз. Деррида, в бордовых носках, на широком экране: «Да здравствует дружба!» И профессор Подорога - в белых носках, снятых с трупа Хайдеггера: «тело-без-органов!» И ещё всякие, всякие, всякие философы и теоретики: «радикальные», «подрывные», «революционные», международные, доморощенные, соблазняющие «новым универсализмом» и чёрными тужурками, «другими Россиями» и Аллахом, «полной эмансипацией» и «новой жертвенностью»...

Проклятье! Как разобраться? Ах, головушка-голова! Прочь! Прочь!

14.

Есть теории, написанные специально для того, чтобы расколоть голову наполовину: бац! Бац! (Империю - властвуй!) Есть теории, запаковывающие, словно подушка: упс-упс! (Империю - правь!) Но в этой книге - другая теория. Она создавалась людьми, принадлежащими к дерзкой и действительно дикой «традиции»: не только Штирнер, Зо

д'Акса и Либертад, но и анархистский иллегализм, банда Бонно, Северино ди Джованни... И никакой дешёвой романтики, только ошеломляющее воображение, только трезвый и страстный анализ. Вот что говорит Альфредо Бонанно: «Революционер, чтобы соответствовать революционному проекту, должен обладать четырьмя свойствами: 1. мужеством, 2. постоянством, 3. творческими способностями, 4. знанием материальных условий, в которых живут люди. При этом необходимо не просто банальное мужество - способность к телесным битвам или атаке на вражеский лагерь. Необходимо более сложное качество - соответствовать собственным взглядам. То есть: тот, кто мыслит революционным образом, кто повстанчески оценивает людей и вещи, должен обладать способностью ставить всё на кон, без компромиссов, без половинчатости, без иллюзий, без жалоб. Останавливаться на полпути - преступно, а лучше сказать: совершенно нормально. Революционеры, однако, не нормальны. Они обязаны идти дальше нормальности (этого ледяного монстра). Впрочем, как и дальше исключительности, понимаемой в качестве аристократической формы. Ведь было однажды сказано: по ту сторону добра и зла. Далее: быть постоянным - значит идти вперед, даже когда другие разочаровывают и всё кажется более или менее безнадежным».

15.

Видишь, читатель: требования, предъявляемые повстанческой теорией, высоки. Прямо скажем: высоки так, что нынешнему человеку и не дотянуться. Это всё равно что полярные цветы: где они, чёрт побери? Высоко! Мало кто сподобится увидеть их сегодня. О-го-го! А если и увидишь - как дотянуться? Лично мы, пишущие эти строки, не дотягиваемся. А вы, читающие, дотягиваетесь? До полярных-то цветов?

16.

Ну ладно, мы по крайней мере способны хоть на такое. Цитируем: «Внезапно Уотт схватил трость Камье, размахнулся, поднял и в ярости стукнул по соседнему столику, за которым перед растянувшейся надолго кружкой пива человек с бакенбардами читал газету и курил трубку. Случилось то, что должно было случиться: стеклянный столик разлетелся вдребезги, трость переломилась пополам, кружка опрокинулась, а человек с бакенбардами полетел навзничь, по-прежнему сидя на стуле, с трубкой в зубах и газетой в руке. Уотт швырнул оставшийся у него в руках конец трости в сторону стойки, свалив оттуда несколько бутылок и уйму стаканов. Уотт дождался, пока затих разнообразный стук и звон, а потом взвыл:

- К чертям собачьим такую жизнь! Да здравствует Квинт!»

Вот так-то.

«Да здравствует Квинт!»

Ну, а ты, читатель, хоть на такое способен? Хоть на старости лет? Хоть перед смертью?

17.

Мы можем сказать только за себя: повстанческая теория дала нам критерий. Раньше мы думали: «Ну ладно, сделаем так и эдак, а там то да сё - видно будет». Теперь мы знаем: ничего там (впереди) не видно, кроме свинства и немощи, кроме вседозволенности капитала и импотенции активистов, кроме беспредельного разгула власти, кроме нищеты человеческой жизни, кроме истребления воображения, кроме уничтожения вольного сообщества. Поэтому если хочешь делать вещи по-настоящему, надо делать их прямо сейчас, дико и умно. Существует повстанческий критерий. Метод обязывает. Без метода, без критерия (а сейчас все без критерия) ты говоришь: «Я люблю банду Бонно, Махатму Ганди, Квентина Тарантино и Хаким Бея». Чушь! Вздор! Только кретин или незнайка может любить всё это разом. Пора перестать быть кретинами и незнайками. На одной интуиции и благих намерениях не протянешь.

18.

Повстанческое орудие в первую очередь помогает ориентироваться в этом мире. То есть выбирать: вместо фальшивого подлинное, вместо гарантированного опасное, вместо усыпляющего пробуждающее, вместо уродливого прекрасное. А уж затем, поняв себя и своё место во всём, ты, дружок, сможешь атаковать с этим орудием власть. Ибо, как говорит повстанческая наука, только борьба реальна. Борьба, ну и, конечно, воображение.

19.

Так что воображай, мечтатель! И читай, читатель! Тут тебе вложено в руку верное орудие. Не та двусмысленная бомба, о которой говорил французский философ. Нет, здесь перед тобой настоящий умопомрачительный заряд. Подлинный вызов. Волшебная палочка. Философский Камень. Полярный цветок. Заветное слово. Победа божественного воображения над силами мирового приручения. Да, да, да: воображение мертво - воображайте!

20.

Вызов Бонанно - это вызов обществу (и человеку) производящему: долой производство! Но что значит «производство»? Это то, что полезно для общества. Восстать против полезности? До такого не смели додуматься почтенные анархисты девятнадцатого века, пленники рациональной эпохи: должна быть разрушена основа основ исторического существования человека - производство и воспроизводство, продукты, товары, система вещей. То, на чём держится всякая власть. Отказаться от продуктивности - значит преодолеть господство интересов рода, клана, класса, общества над интересами индивида. Здесь Бонанно смыкается с такими авторами, как Жак Каматт и Фреди Перлман. Каматт считал, что производство - это смертоносная рациональность капитала, которая по сути своей не имеет ничего общего с желаниями человека. Согласно Каматту, производство (и его обязательные спутники - эксплуатация и неравенство) сначала

уничтожает свободное человеческое сообщество (коммуну), а затем - саму мечту о таком сообществе, воображение. В результате человек полностью приручается и подавляется властью, сводится к рабочему процессу, а его чувства и мысли, сама его жизнь лишается всякой ценности и ставится на службу идеологии продуктивности. Поэтому разрушение производства - это творческий акт, направленный на возрождение действующего воображения, а затем и вольной человеческой общности. Не будем забывать, что воображение всегда ищет Золотой век, то есть человеческую общность без работы и принуждения. Об этом Золотом веке рассказал нам Фреди Перлман в своей чудесной книге «Против Истории, против Левиафана».

21.

Таким образом, революция будущего - не путч в пользу «самоорганизованного» производства (это - абсурд и обман, где заключённые сами руководят своей тюрьмой!), а восстание против насилия производства. В пользу чего? Забудем о всякой «пользе». Революция будущего - это революция воображения и игры, смеха и раскрепощённого творчества. Об этой революции догадывались Лао Цзе и Торо, Монтень и Вильям Блэйк, Иероним Босх и Мелвилл. Об этой революции грезил никому не ведомые мечтательницы, так и не вошедшие в господствующую историю. Это революция, которая будет искать формы человеческого сообщества, свободные от всякого закабаления, одомашнивания и одурачивания. Это революция против Машины, Системы, Схемы, Структуры, Организации. Это революция против законов, канонов, технологий, стереотипов, функций, ролей. Это революция против самого Проекта - основы основ рационального мышления. Это революция Мудрых Дикарей.

22.

Читай же, дорогой читатель! Если, конечно, ты ещё способен читать, то есть участвовать в творчестве, а не просто потреблять «тексты» и класть их обратно на полку. Ну а если ты не творец, пусти себе пулю в лоб. Или дай волю своему недобитому воображению.

Александр Бренер, Барбара Шурц
Рига, 23 августа 2006

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ

В настоящее время Альфредо Бонанно и некоторые другие итальянские повстанческие анархисты находятся в тюрьме. В 1996 году шестьдесят человек были арестованы в Италии по обвинениям в убийстве, вооружённом грабеже, похищении людей и хранении оружия. Позднее все эти обвинения были сведены в одно - о принадлежности к вооружённой подпольной анархистской организации, предполагаемым лидером которой был Бонанно. Однако данное обвинение не сработало. Вскоре был организован новый процесс. В конечном итоге в апреле 2004 года 7 повстанческих анархистов были признаны виновными по тяжёлым уголовным статьям. Альфредо Бонанно получил 6 лет тюрьмы, Анжела Мария Ло Веккио - 15 лет, Орландо Кампо - 10 лет и Карло Тессери - 3 года и 9 месяцев. Два других товарища, Грегориан Гараджин и Франческо Порку, уже находясь в заключении по другим обвинениям, получили соответственно 30 лет и пожизненный срок в тюрьме. Роза Анна Скрокко, приговорённая к 30 годам, в настоящее время скрывается от итальянских властей.

Альфредо Бонанно ВООРУЖЁННАЯ РАДОСТЬ

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга была написана в 1977 году на пике революционной борьбы, развернувшейся тогда в Италии. Нынешняя ситуация - совершенно иная, и сегодняшнему читателю следует об этом помнить.

В тот момент революционное движение, включая анархистов, было на подъёме, и всё казалось возможным, вплоть до предельного расширения вооружённого конфликта.

Тогда-то и следовало защитить себя от опасности милитаризации и специализации революционной схватки. Опасность эта исходила от меньшинства, пытавшегося навязать вооружённую стратегию десяткам тысяч товарищей, которые всеми возможными средствами боролись против репрессий, а также против попытки государства - честно говоря, довольно слабой попытки - реорганизовать капитал.

Таково было положение дел в Италии, но нечто похожее происходило и в Германии, и во Франции, и в Великобритании, и в других местах.

Стало очевидным, что многочисленные действия, осуществляемые товарищами против структур и представителей власти в ходе ежедневной борьбы, не могут Уместиться в логику вооружённой партии - логику, предложенную и утверждаемую в Италии Красными Бригадами.

Таков дух этой книги. Показать, что дело освобождения и разрушения - радостное и буйное творчество, а вовсе не мрачная и дисциплинированная политика специалистов революции.

Отдельные проблемы, поставленные здесь, уже сняты. Они были решены тяжёлыми уроками истории. Крах реального социализма показал, чего стоили управленческие амбиции марксистов. В то же время уничтожение социалистического лагеря вовсе не подавило желание свободы и анархии. Напротив,

это желание неотвратимо расширяется, особенно среди молодёжи, хотя и не всегда согласуясь с традиционными символами и теориями анархизма.

Сегодня эта книга снова стала ключевой, но уже по другой причине. Не как критика доктринальной и авторитарной вооружённой структуры, которой больше нет, но как выявление могучей и радостной способности индивида к разрушению всего, что его угнетает или ограничивает.

Я должен заметить, что книга эта была запрещена в Италии. Верховный Суд постановил сжечь её. Все библиотеки, хранившие её экземпляры, получили специальный циркуляр от Министерства Внутренних Дел с приказом подвергнуть её уничтожению. Некоторые библиотекари, однако, открыто не подчинились государственному постановлению, полагая, что сожжение книг - дело нацистов и инквизиторов, а не библиотечных хранителей. Был также наложен запрет на дистрибуцию этой книги в Италии. При обысках и облавах она конфисковывалась у товарищей.

Я получил 18 месяцев тюрьмы за написание этой книги.

Альфредо Мария Бонанно, Катанья, 14 июля 1993

1

В Париже, в 1848 году, революция была праздником без начала и конца.

Бакунин

Отчего же, Солнце свидетель, те ребята стреляли по ногам Монтанелли? Разве не лучше было бы прикончить его выстрелом в рот?

Возможно, и так. Однако это было бы и тяжеловеснее. Мрачнее, угрюмее. Покалечить же гада имело более глубокий и сокровенный смысл - по ту сторону мести, за рамками наказания. Вот они и подстрелили его, фашистского журналиста и лакея боссов. Весёлые парни!

Покалечить - значило заставить его хромать, а тем самым - помнить. Покалечить - отличное, умное предприятие, не то что стрелять в рот и глядеть, как куски мозга разлетаются через глазницы.

Товарищ, ты, что каждое утро в сером тумане бредёшь в клоаку фабрики, или ныряешь в нутро офиса, чтобы узреть там те же хари: прораб, гнусный надсмотрщик, шпионящий за каждым мгновением, стахановец-с-семью-выблядками-заморышами, которых нужно кормить-поить, начальник, урод-соглядатай... Ты, товарищ, чувствуешь необходимость революции, борьбы, физического столкновения, может быть, даже смертельного. Но вместе с тем ты знаешь, как нужны тебе радость, восторг, восхищение - прямо сейчас, здесь, на месте. И ты вынашиваешь эту радость в своём воображении, когда идёшь, склоня голову в тумане, или часами стоишь в электричке, в трамвае, когда задыхаешься в белом чаду офиса - во всех этих отделах и отсеках гигантского механизма капитала.

Сфабрикованная радость: выходные, праздники, ежегодные отпуска, разрешённые и оплачиваемые боссами - не что иное, как любовь за деньги. Это ли любовь, друг? Сотни теорий,

собранных под цветными обложками, брошюры, революционные издания... Ты должен делать то и это, товарищ, видеть вещи так и эдак, как повелел один или другой авторитет. Вот они - учёные, писатели, мудрецы - подлинные знатоки и толкователи, люди с большой буквы, их имена - на гнетущих томах и газетных разворотах...

Сама необходимость держать эти тома под рукой, в памяти, на полке - часть общей литургии. Не знать их, говорят тебе, - ошибка, подозрительное невежество. Их следует иметь при себе, на всякий случай. Иногда, поскольку тома тяжелы, ими можно припугнуть непослушных. Это называется: здоровое, хотя и не новое, утверждение весомости революционных текстов прошлого (и настоящего).

В этих томах нет ничего, относящегося к радости. Суровость монастыря сродни той атмосфере, которая окутывает эти страницы. Их авторы - жрецы революции, проповедники мести и наказания - проводят своё время, взвешивая на весах духов порицания и воздаяния.

Более того, эти весталки - в сюртуках ли, в джинсах ли - кичатся целомудрием, чего ждут и от адептов своих. Ещё они требуют вознаграждение за свои жертвы. Сперва они отрунули комфортабельные окрестности своего классового происхождения, потом они поставили свои выдающиеся способности на службу неимущим. Они выросли и состарились, пережёвывая чужие слова и втайне страдая от одного вида грязных скатертей и неубранных постелей. Так что теперь, товарищ, ты обязан их слушать и им подчиняться.

Они мечтают об упорядоченных революциях, аккуратно скроенных принципах, анархии без пыли и встряски. Если же вещи складываются иначе, они принимают выкрикивать критические лозунги, становясь достаточно шумными, чтобы быть услышанными полицией.

Революционеры - благочестивый народ. Революция - нет.

2.

Кошку я называю кошкой.

Буало

Мы все озабочены революционной проблемой «как и что производить», но никто не замечает, что сама идея производства - революционная проблема.

Если производство коренится в капиталистической эксплуатации, то изменить модус производства означает лишь изменить модус эксплуатации.

Кошка, даже если её покрасить красной краской, всё равно останется кошкой.

Производитель свят. Руки прочь от него. Освятим его жертву во имя революции.

«А что мы будем есть?» - спрашивают озабоченные граждане. «Хлеб и лебеду» - отвечают реалисты, одним глазом косясь на кастрюлю, а другим на ружьё, «Идеи!» - утверждают запутавшиеся идеалисты, одним глазом упёршись в книгу волшебств, а другим - в род человеческий.

Всякий, кто затрагивает производство, влипает.

Капитализм и те, кто против него, усаживаются рядышком на трупе производителя, но производство должно продолжаться во что бы то ни стало.

Критика политической экономии есть рационализация модуса производства с наименьшими потерями (для тех, кто извлекает наибольшую выгоду из всего этого). Все остальные, то есть те, кто страдает от эксплуатации, должны заботиться, чтобы всем всего хватало. Иначе как мы будем жить?

Когда сын тьмы выходит на свет, он так же ничего не видит, как если бы продолжал обшаривать потёмки. Радость ослепляет его. Она его убивает. И тогда он говорит: «Это -галлюцинация!», и приговаривает её к небытию.

Дряблый жирный буржуа простирается в роскошной праздности. Из этого делается вывод: радость грешна.

Радоваться - это разделять чувства буржуа; радоваться - это предавать производителя, иначе говоря, пролетариат.

Глупости. Буржуа делает всё от него зависящее, чтобы процесс эксплуатации продолжался. Он постоянно в стрессе и никак не найдёт времени для радости. Его круизы - поиски новых возможностей для капиталовложений, его возлюбленные - пятые колонны для получения информации о конкурентах.

Бог производства убивает даже самых преданных своих рабов. Отрывает им головы, и вот: лишь поток нечистот вырывается оттуда.

Голодные пестуют раздирающее их чувство мести при взгляде на тучных и изобильных. Враг должен быть повержен и уничтожен. Это само собой. Но сохрани, раб, свою добычу. Богатство не следует распылять, им следует пользоваться. Не важно, что это, откуда пришло и куда ведёт. Что важно, так это сам захват, и чтобы каждый мог воспользоваться захваченным.

Каждый? Ну да, каждый.

И как же это случится?

Путём революционного насилия.

Недурной ответ. Но в самом деле, чем же мы займёмся после того, как отрубим столько голов, что нам это наконец надоест? Чем мы займёмся, когда избавимся от всех хозяев, даже тех, которых нам придётся искать с фонарями?

А вот тогда и придёт господство революции. Каждому по его потребностям, от каждого по его способностям.

Слышишь, товарищ?! Обоняешь дух бухгалтерии? Речь пошла о потреблении и производстве. Мы всё ещё в измерении продуктивности. Арифметика сообщает чувство безопасности. Два плюс два получается четыре. Кто же станет оспаривать эту «истину»? Числа правят миром. Если так было прежде, почему бы этому не продлиться вечно?

Нам всем необходимо что-нибудь солидное. Прочное. Камни для построения стены, которая защитит нас от импульсов, способных разрушить каждого. Мы нуждаемся в объективности. Босс молится своему кошельку, крестьянин своей лопате, революционер - своему ружью. Но дайте проникнуть во всё это лучу критики - и блестящая постройка обратится в прах.

В своей тяжёлой объективности ежедневный мир

обрабатывает и воспроизводит нас. Мы все дети ежедневной пошлости. Даже когда мы говорим о «серьёзных вещах» вроде революции, наши глаза по-прежнему прикованы к календарю. Босс страшится революции, потому что она лишит его богатства, крестьянин её делает, чтобы получить кусок земли, революционер - чтобы испробовать свою теорию.

Если проблема рассматривается в таких терминах, то никакой разницы между кошельком, землёй и революционной теорией нет. Всё это оказывается чем-то «воображаемым», а точнее - зеркалами человеческих иллюзий.

Лишь борьба реальна.

Она отличает босса от крестьянина и устанавливает связь между последним и революционером.

Формы организации, которые принимает производство, - идеологические машины, выстраивающие иллюзорную социальную идентичность: рабочий, инженер, дизайнер... Эта идентичность проецируется на иллюзорный экономический концепт ценности. Социальный код устанавливает его интерпретацию. Боссы контролируют часть этого кода, что наглядно проявляется в феномене конsumerизма. Технологии психологической войны и тотальной репрессии вносят свою лепту в усиление идеи, что человек - лишь тот, кто производит.

Другие части кода могут быть модифицированы. Они не подвергаются революционному изменению, но просто перестраиваются время от времени в соответствии с запросами текущей иллюзии. Сравните, например, сегодняшний массовый конsumerизм с потреблением роскоши в прошлом.

Существуют и более изощрённые формы иллюзии, скажем, самоорганизованный контроль производства. Не более, чем ещё один компонент кода эксплуатации.

И так далее. Любой, кто хочет организовать мою жизнь за меня, никогда не станет моим товарищем. Если же некто попытается оправдать это тем, что «ведь кто-то в любом случае должен производить, а иначе мы перестанем быть человеческими существами и будем захвачены дикой природой», мы ответим ему: отношение «человек - природа» является продуктом просвещённой марксистской буржуазии. Почему они хотели превратить саблю в вилы для сена? Почему человек должен постоянно стремиться отличаться от природы?

3.

*Человек, если он не посвящает себя необходимому,
связывает себя с бесполезным.*

Гёте

Человек нуждается во многих вещах.

Это утверждение обычно означает, что у человека множество нужд, которые он обязан удовлетворить.

На этом пути люди превращаются из исторически обусловленных единиц в дуальности (средства и цели одновременно). Они осуществляют себя через удовлетворение своих нужд (то есть через работу), становясь инструментами своего собственного осуществления.

Каждый может обнаружить, сколько мифологии скрывается в таком положении. Если человек отличает себя от природы через работу, как может он осуществить себя в удовлетворении своих нужд? Чтобы сделать это, он уже должен стать «человеком», то есть, дабы удовлетворить свои нужды, он должен перестать работать.

Товары имеют глубоко символическое значение. Они становятся точкой референции, единицей измерения, обменной стоимостью. Здесь начинается спектакль. Роли распределяются и воспроизводят себя до бесконечности. Актёры продолжают играть свои роли без особых модификаций.

Удовлетворение нужд становится не более чем рефлексом, маргинальным эффектом. Что происходит, так это превращение людей (а заодно и всего остального) в «вещи». Природа становится «вещью». Используемая, она коррумпируется, а вместе с ней и человеческие инстинкты. Пропасть открывается между природой и человеком. Она должна быть заполнена, и расширение товарного рынка этим занимается. Спектакль разрастается до точки самопожирания вместе со всеми своими противоречиями. Сцена и публика становятся одним измерением, обещая всё новые и новые развлечения - в рамках всё того же спектакля, разумеется.

Каждый, кто не следует товарным кодам, не овеществляется, и выпадает «по ту сторону» спектакля. В таких тычут пальцем. Их окружает колючая проволока. Если они отказываются от универсальной или «альтернативной» кодификации, их криминализируют. Ну да - они безумны! Это запрещено - отказываться от иллюзий - в мире, который утверждает реальное на иллюзорном, конкретное на абстрактном.

Капитал организует спектакль в соответствии с законами накопления. Но ничто не может накапливаться до бесконечности (даже сам капитал - количественный процесс, возведённый в абсолют; количественная иллюзия, если быть точным). Боссы это прекрасно понимают. Эксплуатация принимает разные формы и создаёт новые идеологические модели именно для того, чтобы обеспечить накопление на качественно разных путях, поскольку количественный процесс не может длиться вечно.

То, что всё это становится парадоксальным и иллюзорным, ничуть не вредит капиталу; напротив, парадоксальность и правит балом. Если мы можем выдать иллюзию за реальность и нажиться на этом - значит, мы на коне. Пусть всё так и продолжается до конца дней. Эксплуатируемые оплачивают счета. Так что это им надлежит выявить обман и распознать реальность. Для капитала же величайшее в мире фокусничество - закон и норма.

Эксплуатируемые чуть ли не сами лезут в капкан. Они привыкли к своим цепям и даже сроднились с ними. Время от времени они предаются мечтам о восхитительных бунтах и кровопролитиях, а потом дают околдовать себя речам новых политических вождей. Революционная партия углубляет и расширяет иллюзорную перспективу капитала до таких фантастических горизонтов, каких сам капитал никогда бы не достиг.

Количественная иллюзия расширяется.

Эксплуатируемые присоединяются, пересчитывают самих

себя, убеждают себя в своей силе. Яростные лозунги заставляют сердца буржуазии биться сильнее. Чем внушительнее числа, тем горделивее вожди гарцуют вокруг своих толп, тем более требовательными и неприступными они становятся. Стратеги разрабатывают грандиозные программы завоевания власти. Новая власть готовится утвердить себя на останках старой. Бессмертная душа Бонапарта расплывается в удовлетворённой усмешке.

Само собой, великие изменения программируются в модусе иллюзии. Всё должно быть подчинено символу количественного накопления. Требования революции разрастаются по мере роста воинственных сил. Точно так же растут общие социальные доходы, соревнующиеся теперь с достижениями частной прибыли. Так капитал входит в новую иллюзорную зрелищную фазу. Старые нужды как всегда давят, но под новыми этикетками. Бог производства по-прежнему правит, никем ни свегнутый, даже не пошатнувшийся.

Как сладко - подсчитывать себя! Это заставляет ощутить собственную силу. Боссы подсчитывают себя. Тем же занимаемся и мы. Кликуши кликушествуют.

А когда мы перестаём подсчитывать, то убеждаемся, что вещи остались на своих местах. Это даже успокаивает! Если же изменения всё же произошли, мы надеемся, что они нам не помешают действовать, жить и говорить, как прежде. Призраки пронизывают призраков.

Время от времени политика выходит на первый план. Капитал горазд на гениальные развлечения. Тогда социальное примирение охватывает нас. Воцаряется кладбищенская тишина. Иллюзия расширяется до такой степени, что спектакль проглатывает всё. Абсолютная могила. Ни звука. Затем мы вновь открываем для себя общую монотонность и отдельные дефекты мизансцены. Занавес поднимается в непредвиденном месте. Капиталистическая машинерия начинает запинаться. Революционная вовлечённость переоткрывается. Так случилось в 1968 году. Глаза людей едва не вывалились из орбит. Все пришли в ярость. Листовки - повсюду. Горы листовок, памфлетов, газет и книг. Старые идеологические различия выстроились, как оловянные солдатики. Даже анархисты заново открыли самих себя. И даже сделали это исторически, согласно требованиям момента. Все были оболванены. Анархисты - в первую очередь.

Кое-кто очнулся от своей спектакулярной дремоты, оглянулся по сторонам в поисках пространства и воздуха, обнаружил поблизости анархистов и сказал себе: «Во! Наконец-то! Это те, с кем я хочу быть!». Однако вскоре эти немногие обнаружили свою ошибку. Вещи шли не так, как хотелось бы. Всюду глупость, пассивность и очковтирательство. В который уже раз. И люди бежали. Они замкнулись в себе. Они распались. Приняли игру капитала. А если не приняли, то были изгнаны. В том числе анархистами. «Вы нам не нужны!».

Машинерия 1968 года произвела на свет лучших слуг общества нового техно-бюрократического государства. Но эта же машинерия породила свои анти-тела. Процесс количественной иллюзии стал очевиден. С одной стороны, система получила свежую кровь, чтобы создать новый тип товарного зрелища, с другой стороны, во всём этом открылась трещина.

Стало совершенно ясно, что столкновение на уровне производства неэффективно. Захватите заводы, пашни, школы, жилые районы и управляйте ими, как это провозгласили старые революционные анархисты. Мы также разрушим власть во всех её формах, добавляли они. Беда, однако, в том, что эти парни не ухватили корней проблемы. Сознывая всю тяжесть и грандиозность задачи, они предпочли проигнорировать её, возложив свои надежды на творческую спонтанность революции. Спонтанность спонтанностью, но они хотели сохранить контроль над производством. Что бы ни случилось, какие бы креативные формы революция ни принимала, мы должны захватить средства производства и т. д. В противном случае враг поразит нас на этом уровне. Тут и начались всякого рода компромиссы. А кончилось всё тем, что построили сцену и разыграли ещё один, даже более отвратительный и убогий спектакль.

Иллюзия имеет свои правила. Всякий, кто хочет извлечь из неё выгоду, должен этим правилам следовать. Первое правило: производство определяет всё. Если ты не производишь, ты не человек и революция не для тебя. Почему мы должны терпеть паразитов? Что, мы обязаны работать за них? Да они хотят, чтобы мы обеспечивали их жизнь, как нашу собственную! И кроме того, не окажутся ли все эти люди со смутными идеями и претензией вести себя как им хочется, на службе контрреволюции? Что ж, в таком случае лучше отделаться от них сразу. Мы знаем, кто наши союзники и с кем мы хотим быть. Так что давайте-ка организуемся получше и выставим этих проходимцев, и пусть ни один не посмеет поставить свою ногу на стол и спустить штаны.

Давайте организуемся! В специальные организации! Будем тренировать специалистов, изучать техники борьбы на местах производства. Нужно бороться с саботажем производства! Производители будут делать революцию, а мы будем с ними, чтобы они не наделали глупостей, не расслабились, не обленились.

Увы, всё это дрянь. Старая унылая болтовня. Битва на рабочем месте. Битва за рабочее место. Битва против разгильдяйства. Битва за производство.

Когда мы вырвемся из этого круга? Когда перестанем кусать собственные хвосты?

4.

Безобразный всегда находит зеркала, которые делают его прекрасным.

Де Сад

Какое сумасшествие - любить работу!

С исключительной научной изобретательностью капиталу удалось заставить эксплуатируемых любить эксплуатацию, висельника - его верёвку, раба - его цепи.

Идеализация работы по сей день является смертельным недугом революции. Движение освобождения издавна было разьедаемо буржуазной моралью производства. Эта мораль не только чужда эксплуатируемым, но и прямо враждебна им. Профсоюзы не случайно оказались первым звеном коррупции - именно в силу их близости к тем, кто режиссирует спектакль

производства.

Настало время противопоставить рабочей этике нерабочую эстетику.

Мы должны противопоставить удовлетворению иллюзорных нужд, навязанных обществом потребления, удовлетворение естественных человеческих нужд, увиденных в свете первичной, сущностной необходимости *-необходимости коммунизма*.

На этом пути количественная оценка нужд преодолевается. Необходимость коммунизма трансформирует все остальные нужды и их давление на человека.

Человеческая нищета - следствие эксплуатации - была представлена когда-то как обещание будущего спасения. Христианство и революционные движения шли рука об руку через историю. Мы должны пострадать, чтобы завоевать рай или приобрести классовое сознание, которое приведёт нас к революции. Вне рабочей этики марксистское понятие «пролетариат» потеряло бы всякий смысл. Но рабочая этика - продукт того же буржуазного рационализма, который позволил буржуазии завоевать власть.

Корпоративное сознание проглядывает за ликом пролетарского интернационализма. Каждый сражается в рамках своего собственного сектора. В лучшем случае они связываются с подобными же секторами в других странах - через профессиональные союзы, специальные организации. Могучие мультинациональные корпорации противостоят могучим интернациональным профсоюзам. Давайте сделаем революцию, но сохраним всю машинерию, в основе которой - рабочий инструмент, этот мифический объект, перешедший в руки пролетариата, но воспроизводящий историческую добродетель буржуазии.

Наследник революции должен стать потребителем и главным актёром завтрашнего капиталистического спектакля. Изначально идеализированный в качестве носителя революции, пролетариат растворяется в будущем идеализированном производстве бесклассового общества. Когда эксплуатируемые осознаются как класс, все элементы иллюзии уже налицо - точно так же, как когда эксплуататоры подаются в качестве монолитного класса.

Для эксплуатируемого единственный путь, ведущий за рамки глобального проекта капитала, - путь отказа от работы, производства и политической экономии.

Однако отказ от работы нельзя смешивать с «недостатком работы» - особенно в обществе, базирующемся на этом недостатке. Маргинализированные ищут работу. Они её не находят. Они вытесняются в гетто. Они криминализируются. Потом всё это становится частью производственного спектакля как целого. Производители и безработные равно необходимы капиталу. Баланс, впрочем, весьма деликатен. Противоречия взрываются и порождают различные формы кризиса. Именно в этом контексте происходит революционное вторжение.

Итак, отказ от работы, разрушение работы - как утверждение необходимости не-работы. Человек может

воспроизводить и создавать себя в не-работе через разнообразные формы деятельности. Идея разрушения работы абсурдна, если она рассматривается с позиций рабочей этики. О чём вы говорите? Столько людей стремится к работе, столько безработных вокруг, а вы твердите о разрушении работы? Призрак луддитов возникает и заставляет всех революционеров-которые-читали-всю-классику содрогаться от ужаса. Строгая модель фронтальной атаки на капиталистические силы не может быть поколеблена. Все провалы и страдания прошлого ничему не научили, как и все предательства, весь позор, всё мракобесие. Вперёд, товарищи, лучшие дни впереди! Снова вперёд! Ура!

Было бы неплохо показать, как идея «свободного времени» (временной приостановки работы, отдыха, развлечений) используется сегодня, чтобы не только соблазнить, но и запугать пролетариев, загнать их назад в затхлые подвалы классовых организаций (партий, профсоюзов и т. д.). Эта спекуляция, облюбованная бюрократами и дельцами индустрии отдыха, специально придумана, чтобы заморочить и запутать, заболтать и заморозить. Ещё одно идеологическое прикрытие - одна из многих уловок в тотальной войне капитала.

Необходимость коммунизма изменяет всё это. Она перемещает не-работу из негативной сферы (отсутствие работы) в позитивную: полная обращённость индивидов к самим себе, возможность выражать себя совершенно свободно, разрыв со всеми ограничивающими моделями - даже теми, которые обычно рассматриваются как фундаментальные и неотторжимые. Например, модель производства.

Однако революционеры - люди долга, а потому не хотят рвать со всеми моделями. По крайней мере, не с моделью пролетарской революции. Революционеры боятся: а вдруг они лишатся своей роли в жизни?! Встречали ли вы когда-нибудь революционера без революционного проекта? Проекта, который хорошо выражен и ясно высказан массам? Что это за революционер, требующий уничтожения моделей, важных для всякого революционера? Атакуя такие концепты, как количество, класс, проект, модель, историческая задача и другие древние атрибуты, вы рискуете оказаться ни с чем, то есть столкнуться лицом к лицу с реальностью, с необходимостью действовать, а не болтать. Действовать, пусть даже скромно, но революционно, как миллионы других людей, делающих революцию ежедневно, не вступая в организации, не напяливая идеологические маски, не ожидая знаков великого дня. А для этого нужна отвага.

Со строгими моделями и уютными количественными играми вы остаётесь в рамках иллюзорного проекта революции, в границах капиталистического спектакля. Разрушая этику производства, вы напрямую вступаете в революционную реальность.

Трудно даже говорить о подобных вещах. Может быть, не имеет смысла разбирать их на страницах трактата. Редуцировать эти проблемы к полному и последнему анализу будет явным промахом. Гораздо лучше обсуждать их в неформальной дискуссии, не чуждаясь магии словесной игры и дружеского спора.

Очевидное противоречие - говорить о радости серьёзно.

5.

Тяжелы летние ночи. Плохо спится в крошечных камерах.

Это - Канун Гильотины.

Зо д'Акса

Эксплуатируемые тоже находят время на игру. Однако их игра безрадостна. Она - мрачный ритуал. Смерть, стерегущая свою минуту. Приостановка работы, дабы сбросить груз насилия, накопленный за время производства. В иллюзорном мире товаров игра - та же иллюзия. Мы воображаем, что играем, тогда как на самом деле наше занятие - монотонное повторение ролей, уготованных для нас капиталом.

Когда в нас просыпается сознание эксплуатации, первое, что мы испытываем - чувства обиды и мести, и последнее - радость. Освобождение видится как исправление ложного баланса, созданного злой волей капитала, но отнюдь не как становление мира игры, который разрушит мир работы.

Это - первая стадия атаки на боссов. Стадия мгновенного осознания. Нас поражают - и отвращают! - все эти цепи, хлысты, тюремные стены, половые и расовые барьеры, государственные границы. Всё это должно быть снесено. И мы вооружаемся и бьём по противнику заставляем его платить за содеянное.

В это время - в Ночь Гильотины - закладываются основания нового спектакля. Капитал напивается крови: сначала падают головы боссов, потом - головы революционеров.

Невозможно осуществить революцию на эшафоте. Плаха - гардеробная власти. Мечь - ночной колпак Деспота. Всякий, кто помышляет о возмездии, нуждается в вожде. Вот он - вождь, ведущий к победе, восстанавливающий попорченную справедливость. Кто вопиет о возмездии, мечтает получить во владение то, что было у него отнято. Вплоть до высшей абстракции - апроприации прибавочной стоимости.

Мир будущего должен стать миром, где все работают. Великолепно! Так нам навязывают новое отвратительное рабство, скрыться от которого смогут лишь те, кто будет всем этим управлять, то есть очередные боссы.

Тем не менее, старые боссы должны заплатить за свои несправедливости. Отлично! Революция братается с христианской этикой греха, судилища и воздаяния. С другой стороны, концепты «долга» и «платежа» - не иначе, как меркантильного происхождения.

Всё это - часть спектакля. Даже если пьеса не написана боссами, постановка рано или поздно окажется в их руках. Перераспределение ролей - обычное условие подобного рода зрелищ.

Быть может, в какой-то момент классовой битвы это даже необходимо - атаковать власть, вооружась орудиями мести и наказания. Иногда движение освобождения не располагает ничем иным. Тогда Час Гильотины неотвратим. Но революционеры должны помнить о том, насколько ограничено это оружие. Нельзя обманывать себя и других.

В параноидальных рамках рационализирующей машины - а это и есть капитализм - концепт революции возмездия легко становится частью спектакля, поскольку он вписывается в логику производства. Процесс производства развернулся с благословения экономической науки, но в действительности он основывается на иллюзорной антропологии разделения труда. Возмездие - специализированная задача рабов революции в правильный момент переворота. Затем на сцену вновь выходят счастливые производители во всей их красе и мощи.

Нет никакой радости и наслаждения в работе, даже если она основывается на самоорганизации. Революция не может быть сведена к простой реорганизации работы. Это исключено.

Нет никакой радости в жертвоприношениях, смерти и возмездии. Также нет никакой радости в подсчитывании и расчитывании себя. Арифметика - отрицание радости.

Тот, кто желает жить, не производит смерть. Даже временное приятие гильотины ведёт к её институционализации. Но верно и другое: тот, кто любит жизнь, не обнимает своего угнетателя. Поступать так - означает, что ты против жизни и на стороне смерти, жертвоприношения и работы.

Века эксплуатации накопили на кладбище работы огромную груду смердящей мести. Вожаки революции восседают на этой груде без движения, без мысли. Они силятся извлечь из своей ветоши наибольшую выгоду. И если уж ждать следующей вспышки мстительной ярости, пусть она обрушится не только на старых, но и на новых боссов. Пусть осквернит все символы и флаги. Пусть испепелит все лозунги и анализы. Пусть уничтожит идеологию производства.

Рабочая этика убивает движение освобождения. Тот, кто верит в работу и мечтает о захвате средств производства, трепещет в ужасе перед слепотой разрушения. Старые боссы умели организовать производство, пустить в ход машину эксплуатации. Революционные боссы тоже полагают, что без организации нет освобождения. Производство должно сохраниться во что бы то ни стало.

Таким образом, рабочая этика - разновидность христианской этики самопожертвования, то есть этика боссов, регулярно устраивающих исторические боины и одновременно благословляющих производство и производительность. Сплошное надувательство!

Пора осознать, что рабочая этика - это основание количественного революционного проекта. Аргументы против работы бессмысленны, если они исходят со стороны революционных организаций, подчинённых логике количественного роста.

Однако отмена рабочей этики и утверждение на её месте эстетики радости вовсе не означает конец жизни, как полагают некоторые взволнованные товарищи. На вопрос: «А что мы будем есть?» следует просто ответить: «Да то, что мы произведём». Только производство уже не будет измерением, определяющим человека. Оно станет областью игры и радости. Можно производить что-либо отдельно от природы, а затем включить это в природу. Тогда производство нетрудно остановить в любой момент, когда нужно. Радость же станет бесконтрольной. Она будет новой силой, неведомой нынешним цивилизованным рабам. Радость - начало,

способное бесконечно приумножить творческий импульс революции.

Не существует такой вещи, как освобождённый труд. Не существует и свободного от специализации синтетического (мануально-интеллектуального) труда. То, что есть - это разделение труда и продажа рабочей силы. Одним словом: капиталистическое производство. Революция же - это отрицание труда и утверждение игры. Любая попытка навязать идею работы, «справедливого труда», производства без эксплуатации, «самоуправления», «целостного процесса труда» - мистификация.

Концепт «самоуправления» действенен только как форма борьбы против капитализма. Самоуправление - это прежде всего борьба без вожаков. Если же борьба отсутствует, самоуправление превращается в самоуправление своей эксплуатацией. В случае же, если борьба приводит к победе, самоуправление становится ненужным, потому что после революции организация производства контрреволюционна.

6.

В тот миг, когда ты сам бросаешь мяч, ты просто счастлив. Когда же его ловишь - мяч, брошенный товарищем в игре, - строительство божественных мостов являет тебе свою силу.

Рильке

Нам всем кажется, что мы испытывали радость. Любой считает, что был счастлив хотя бы раз в жизни.

Однако этот опыт радости почти всегда оказывался пассивным. «Так уж случилось», что мы радовались. Мало кому удавалось заставить радость появиться в нужный момент.

Этот водораздел между радостью и нами связан с тем, что мы «отделены» от самих себя, разделены надвое процессом эксплуатации.

Мы работаем целый год, чтобы пережить «радость» каникул. Когда они наступают, мы «обязаны» радоваться самому факту, что у нас каникулы. Что это, если не форма пытки, как и всё остальное? То же относится к «выходным». Мёртвые дни. Переживание иллюзии свободного времени обнажает поразительную пустоту меркантильно-полицейского общества, в котором мы живём.

Тот же пустой взгляд перемещается с бутылки пива на экран телевизора, с зелёного поля стадиона на лицо собеседника, с неоновой рекламы на архитектурный ансамбль.

Искать радость в глубинах одного из многочисленных нарративов капитала было бы истинным безумием, однако капитал делает ставку на таких искателей. Переживание развлечений и свободного времени, запрограммированных боссами, самоубийственно. После этого опыта хочется вернуться к работе, столь же смертоносной. Выбор между двумя смертями - вот что нам обеспечено.

Истинная радость не имеет ничего общего с рациональными механизмами капиталистической эксплуатации. Радость не знает границ и правил, и чужда каталогизации. Тем не

менее мы должны искать и желать радость. В противном случае мы потеряны.

Отсюда следует, что поиск радости - волевой акт, требующий отказа от заданных условий и ценностей капитала. И здесь всё начинается с отказа от работы как базовой «ценности». Поиск радости может реализоваться только в поиске игры.

Игра имеет совсем иное значение, чем то, которое мы ей приписываем в условиях капитала. Игра, отвлечённая от жизни (как и безмятежная праздность) - искусственный, искажённый образ того, чем она действительно является. Подлинная игра проявляется в столкновении и наступлении на капитал. Таким образом, игра - не «времяпрепровождение», но борьба; не «досуг», но оружие.

В этом мире вещи оказались перевернуты. Если настоящая, многозвучная жизнь - нечто полноценное, то смерть - иллюзия, ибо покуда мы живы, смерти не существует. Тем не менее вокруг господствует смерть, то есть капитал, который отрицает наше существование как человеческих существ и редуцирует нас к предметам - дисциплинированным, серьёзным и методичным. Однако постоянный нажим капитала, его этическая строгость, его установка на производство скрывают грандиозную халтуру: тотальную пустоту товарного спектакля, глупость безграничного накопления, абсурдность эксплуатации. И чем более серьёзен мир работы и производства, тем больше он отказывает в серьёзности миру жизни и игры.

Наоборот: сопротивление этому дурацкому миру, преследование радости, поиск мечты или утопии скрывают в своём очевидном «недостатке серьёзности» самую серьёзную вещь в мире - отказ от смерти.

В физической конфронтации с капиталом игра принимает разные формы. Многие вещи можно делать «играючи» - при условии, что мы сбросили маску серьёзности, то есть смерти, которая надета на нас капиталом.

Игра определяется жизненным импульсом, суть которого - постоянное движение, желание неизвестного, отрицание закона и неподвижности. Когда мы играем, то освобождаемся от груза смерти, навьюченного на нас обществом. Играя, мы оживаем. Игра дарит возбуждение жизнью. В противоположном модусе мы действуем так, как будто это - наша обязанность, словно мы «должны» это делать.

В возбуждении игрою, посрамляющей занудство и принудительность капитала, мы открываем радость. Здесь выявляется возможность разрыва со старым миром и связи с иными целями, ценностями и нуждами. Даже если радость не может рассматриваться в качестве человеческой цели, она, несомненно, есть привилегированное измерение. Радостное столкновение с капиталом - нечто совершенно иное, нежели унылая борьба за власть, особенно если радость в борьбе преследуется сознательно.

7.

Жизнь скучна, и всё, что нам в ней оставлено – покупка очередной юбки или рубашки. Каково же ваше истинное желание, братья и сестры? Сидеть в кафе, глядеть в пустоту, пить водянистый кофе? Или, быть может, ВЗОРВАТЬ ВСЁ

*ЭТО И СЖЕЧЬ К ЧЁРТОВОЙ МАТЕРИ?!
The Angry Brigade*

Великий спектакль капитала поглотил нас до самой макушки. Актёры и зрители меняются. Мы усваиваем роли, либо уставясь с разинутым ртом на других, либо заставляя соседей глазеть на нас. Мы соревнуемся за место в хрустальной карете, хотя знаем, что это - всего лишь тыква. Чудесное обаяние божьей матери оказалось сильнее наших критических способностей. Днём мы зарабатываем деньги, а вечером мы можем поиграть в игрушки. По крайней мере, до полуночи.

Нищета и голод по-прежнему правят революцией. Тем временем капиталистическая иллюзия растёт. Она требует новых актёров. Капитал не устаёт удивлять. Он становится всё более изощрённым, он совершенствуется. Новые клоуны поднимаются на подмостки. Новые поколения диких зверей будут одомашнены.

Приверженцы количества, любители арифметики окажутся первыми в длинной очереди комедиантов и будут ослеплены светом рампы. Они продемонстрируют публике своё золото и свои стигматы. Они будут вещать от имени беспощадного божества искупления.

Им так и не удалось избавиться от серого налёта серьёзности. Поэтому самая большая угроза для них - смех. Спектакль не переносит радости. В нём всё уныло и мрачно, серьёзно и правильно, рационально и запрограммированно, и именно поэтому - фальшиво. Актёры сияют хихикать, да выходит хрип.

По ту сторону кризиса, по ту сторону отсталости, по ту сторону нищеты и голода лежит решающее сражение, предстоящее капиталу, - сражение со скукой.

Революционному движению тоже не обойтись без новых битв. Не только против капитала и эксплуатации, но и против самого себя. Скука одолевает революцию изнутри, делая её невозможной, задушенной, потерянной для жизни.

Оставим тех, кому по душе иллюзия капитализма. Куда как сомнительно их счастье доиграть свои роли до конца. Они полагают, что реформы могут что-либо изменить? Ну нет, это всего лишь идеологическое прикрытие. На самом деле они прекрасно понимают, что штопать одеяло - одно из правил системы. Это полезно, поскольку вещи изнашиваются.

Есть ещё другие, атакующие власть капитала словесно. Они немало пошумели. Им нравились широкие заявления, и это кое-кого впечатляло. Впрочем, только не боссов, которые хитро использовали весь этот шум для самой деликатной части спектакля. Когда есть нужда в солисте, критических болтунов принято выпускать на сцену. Результат вызывает отвращение.

Спектаклярный механизм товарооборота должен быть сломан через внедрение во внутренние владения капитала, в центры координации системы, в самое ядро производства. Представьте себе этот взрыв радости, этот творческий взлёт, это приключение, эту бесцельную цель!

Сложно, однако, войти в недра капитала радостно, вооружась знаками жизни. Слишком долго революционная борьба несла на себе печать смерти. И вовсе не потому, что грозила

смертью боссам и их лакеям, а потому, что пыталась навязать власть смерти людям. В противном случае революция давно бы стала радостью в действии. Такой она и будет, когда научится разрушать структурные условия товарной иллюзии: военнизированную партию, завоевание власти, идеологию авангарда.

Ещё один внутренний враг революционного движения - непонимание. Неспособность увидеть новые условия конфликта. Использование отживших моделей из прошлого, ставших частью товарного спектакля.

Неразличение новой революционной реальности ведёт к скудости теоретического и стратегического осознания революционного потенциала самого движения. И пусть не говорят, что прежде всего необходима атака на врага, а вопросы теоретического характера второстепенны. Подобная риторика насквозь идеологична и ведёт лишь к повторению старых ошибок. В сущности, отказ от реального анализа питает всякого рода рационалистические политические схемы.

Такие категории, как партия, руководство, авангард, программа, количественный рост, освобождённый труд имеют значение только в рамках этого общества и их использование способствует увековечиванию власти. Когда же вы смотрите на вещи с революционной точки зрения, то есть с позиций тотального уничтожения всякой власти, эти категории утрачивают всякий смысл.

Перемещаясь в нигде утопии, опрокидывая рабочую этику, трансформируя её в радостное «здесь и сейчас» революционной реализации, мы оказываемся в мире, высмеивающем исторические формы организации и соответствующую им идеологию.

Этот мир постоянно движется и всячески избегает кристаллизации. Он определяется самоорганизованной борьбой против работы. Дело не в завоевании средств производства, но в отказе от производства через организационные формы, которые всё время видоизменяются и отменяют сами себя.

Многие из нас бесконечно привязаны к идее революционной организации. Даже анархисты, отказывающиеся от авторитарной модели, не могут помыслить себя вне организационной структуры. Нам кажется, что капитал, определённым образом организованный, может быть разрушен такими же организованными средствами. Различия между авторитарными группами и анархистами велики, но мы все разделяем веру в историческую организацию. Эта вера указывает на нечто крайне важное: на общие истоки рационалистической культуры, объясняющей реальность в терминах прогресса. Эта культура утверждает необратимость истории и настаивает на аналитической функции науки. Это заставляет нас увидеть настоящее как точку, где все усилия прошлого встречаются, где борьба против власти тьмы достигает своего апогея. Мы начинаем верить, что мы совершеннее наших предков и способны реализовать такие теории и принципы, которые являются суммой всех опытов прошлого.

Любой, кто отказывается от этой интерпретации, выпадает по ту сторону истории, прогресса и науки. Следовательно, он -

антиисторичен, антипрогрессивен и антинаучен. Он приговаривается трибуналом без апелляций.

Закованные в эту идеологическую броню, мы выходим на улицу. Здесь мы сталкиваемся с реальностью борьбы, которая далеко не всегда согласуется с нашим анализом. В одно прекрасное утро в ходе мирной демонстрации полиция начинает стрелять. Люди реагируют - они тоже стреляют. Анафема! Это же была мирная демонстрация! Если она выродилась в индивидуальные партизанские действия, значит тут была чья-то провокация. Как могла провалиться наша идеальная схема? Она же истинна, как сама реальность! А всё, что ей не соответствует - сумасшествие и провокация.

Супермаркеты растаскиваются, склады с одеждой и оружием разграбляются, роскошные машины сжигаются, особняки опустошаются. Это - очевидная атака на товарный спектакль. Движение идёт в этом направлении. Минимум стратегической организации, максимум внезапности. Никаких теоретических костылей, никаких умозрительных подпорок. Люди атакуют. Они устали от организаций. Они плюют на брошюры, вождей, баланс сил, отношения власти, ожидание, смерть. Их действия есть непосредственная критика самоубийственной концепции «выжидать-и-смотреть», принятой вожаками организаций. И вот опять: анафема! Здесь кроется провокация!

Налицо разрыв с традиционной политической моделью. Этот разрыв одновременно становится критикой революционного движения. Смех превращается в оружие. Ирония - тоже. Не ирония писателя, запертого в кабинете, но ирония бунта, улицы. Не одни лакеи оказываются в затруднительном положении, но и революционные вожди прошлого и настоящего. Мелкие боссы и целые организации пребывают в смущении. Анафема! Что происходит? Единственная легитимная критика должна согласовываться со старыми правилами и рецептами, а тут Царит хаос! Куда подевалась историческая традиция классовой борьбы? Опять провокация! Всюду азефы!

Людям надоели чаепития, болтовня, классики, бессмысленные марши, демонстрации, пикеты, заседания, теоретические дискуссии, расщепление волоса на четыре части, монотонность и нищета политических анализов, обкуренные помещения, тусклый свет, слабоумные прения, никчёмные споры. Они предпочитают заниматься любовью, гулять, спать, смеяться, играть, убивать полицейских, калечить журналистов, нападать на судебных чиновников, плевать на интеллектуалов, взрывать казармы. Анафема! Борьба лишь тогда легитимна, когда она утверждена вождями движения! А тут камни и бутылки! Ситуация вне контроля! Опять провокация!

Торопись, товарищ! Стреляй в полицейского, в судью, в босса! Не откладывай на потом, а то новая полиция тебя остановит.

Торопись сказать, выговориться! Здесь и сейчас, скорее! До того, как новая репрессия заткнёт тебе рот, заставит тебя думать, что говорить бессмысленно, безумно, опасно. Говори, кричи - до того, как тебя обнимет гостеприимство психушки.

Торопись атаковать! Действуй! Нападай на капитал, разрушай его - до того, как новая идеология сделает его твоим

домом, святилищем, храмом!

Торопись, товарищ! Уйди, откажись от работы, забрось эту дрянь - до того, как новый софист внушит тебе, что «труд освобождает»!

Торопись играть! Торопись вооружаться! Торопись радоваться!

8.

Не бывать революции, пока казаки не спешатся.

Либергад

Игра становится туманной и противоречивой, когда входит в логику капитала. Последний использует её как часть товарного спектакля. Тут игра приобретает двусмысленность, ей вполне чуждую. Эта двусмысленность связана с иллюзорностью капиталистического производства. Игра делается приостановкой производства, «мирной» паузой в ежедневной рутине. Она программируется и сценически используется системой.

Находясь вне владычества капитала, игра следует собственным творческим импульсам. Она не подчиняется перформативным требованиям производства, но развивается автономно. Только в этом случае игра обретает веселье, только здесь она приносит радость. Игра уже не «приостанавливает» терзания, вызванные капиталом, но полностью реализует себя, становясь жизнью. Так она противостоит трюкам смерти-через-игру, то есть иллюзии, пытающейся сделать уныние менее унылым.

Противники смерти восстают против мифического господства иллюзии. Господство это, хамски претендуя на вечность, на самом деле влачится в пыли барака. Радость возникает от разрушения всего этого. Паутина смерти исчезает в трагическом воздухе, присущем разрушительной игре. Но трагедия здесь не противопоставляется трагедии, смерть - смерти, ужас - ужасу. Наоборот, это столкновение радости и ужаса, радости и трагедии, радости и смерти.

Чтобы убить полицейского, не нужно напяливать мантию судьи, только что очищенную от крови предыдущих приговоров. Суды и приговоры - обязательная часть спектакля капитала, даже если в судейских париках восседают революционеры. Когда убивают полицейского, его вину не взвешивают на весах, и столкновение не является арифметической задачей. Не стоит программировать, как должны развиваться отношения между революционным движением и эксплуататорами. Нужно лишь осознать на непосредственном уровне ту потребность, которая существует внутри революционного Движения и которую никакие анализы не могут отрицать. Эта потребность говорит: убить полицейского!

Это - потребность в атаке на врага. Это - необходимость нападения на эксплуататоров и их лакеев. Потребность эта созревает медленно в глубинах движения. Сначала она существует на индивидуальном уровне, и это уже - великое завоевание. Затем она выходит на свет, и оборонительная фаза

кончается. Движение переходит в наступление.

Есть в истории моменты, когда знание кристаллизуется в головах тех, кто борется. Нужда в толкователях истины пропадает. Вещи проявляются в своей наготе. В силу вступает реальность борьбы, и борьба сама производит теорию.

С переходом капиталистического производства в спектакулярную фазу товарная форма распространилась на всё существующее: на любовь и науку, на чувства и сознание. В этой фазе капитал пожирает всё, включая революцию. Если последняя не порвёт окончательно с моделью производства, если будет выдвигать «альтернативные формы» и т. п., система проглотит её и не поперхнётся.

Только борьба не может быть поглощена. Отдельные её формы, отлившись в строгие организационные структуры, кончат тем, что вольются в иллюзию. Но выбравшие игру и отказавшиеся от идеологии производства, сохранят себя для жизни.

На повестке дня - атакующая игра революционных сил против гигантской безжизненной иллюзии игры капитала.

9.

Делай всё сам!

"Bricoleur" - карманная партизанская энциклопедия

Это просто. Ты можешь всё сделать сам. В одиночку или с несколькими верными товарищами. И никаких сложностей. Не требуется даже особых технических знаний.

Капитал уязвим. Всё, что нужно - это решимость.

Болтовня отупляет. Речь даже не о страхе. Мы не боимся, мы просто полны идиотскими, сфабрикованными идеями, от которых не так-то легко освободиться.

Человек, решившийся на действие - не смельчак, не исключение. Это просто индивид, прояснивший для себя вещи, пришедший к выводу, что бессмысленно и убого играть ту роль, которую ему предназначила система. Полностью в своём уме, он переходит в атаку с блистательной решимостью. Совершая действие, он попросту осуществляет себя. Он переходит в состояние радости. Царство смерти рассеивается перед глазами, как дым. Сея разрушение и ужас во владениях боссов, он утверждает радость и покой в своём сердце и в сердцах угнетённых.

Революционные организации не понимают этого. Они следуют модели, которая воспроизводит реальность производства. Идея количества довлеет над ними, мешая совершить качественный скачок в измерение радости.

Подобные организации рассматривают вооружённую атаку в чисто количественном свете, и задачи решаются в терминах фронтального столкновения.

Так капитал оказывается способным контролировать многое. Он может позволить себе роскошь принять противоречия, выявить сценические элементы, использовать негативные эффекты, чтобы ещё более расширить спектакль. Капитал готов принять атаку в количественном ракурсе, потому что он предвидит здесь все

ходы. У него монополия на правила и он принимает главные решения.

Напротив, революционного действие в модусе радости бесконтрольно и заразительно. Оно расширяется, как пятно нефти. Играющая атака обрушивается на реальность и расшевеливает её. Это совершенно не предусмотрено в модели, которая давит сверху. Игра сверкает тысячами значений, но все они лишены стабильности, и это смущает власть. Внутренние связи игры в момент атаки разрываются. Но общий смысл сохраняется - смысл, который игра имеет для исключённых, для эксплуатируемых. Решившие вступить в игру с самого начала и наблюдающие освободительные эффекты игры - все получают от игры первоклассное удовольствие.

Сообщество радости структурируется следующим образом. Это - мгновенная готовность вступить в контакт, фундаментальная для самых глубоких слоев игры. Игра - коммунитарное действие. Она редко обнаруживает себя как изолированный факт. Если же это случается, то в игре появляются отрицательные элементы психологической репрессии. Они подрывают игру - креативный стержень борьбы.

Именно коммунитарная сущность игры препятствует возникновению произвольных значений, придаваемых ей. В отсутствии коммунитарной базы индивиды могут навязывать игре собственные правила и смыслы, непонятные и чуждые другим. Превращая игру во временную приостановку своих тягот (работы, отчуждения, эксплуатации), люди убивают её.

В коммунитарном согласии игра обогащается пересечением взаимных действий. Творчество выигрывает при встрече освобождённых воображений. Каждое новое изобретение, каждая иная возможность переживаются коллективно без заранее сконструированных моделей.

Традиционная революционная организация обычно кончает тем, что навязывает свои техники всем и каждому. Она неизбежно движется к технократии. Особое значение, придаваемое механическим аспектам, ведёт к власти инструмента.

Революционная структура, стремящаяся к переживанию радости и разрушению власти, рассматривает инструменты, которыми она пользуется в борьбе, всего лишь как инструменты. Люди, использующие инструменты, не должны стать их рабами. Точно так же те, кто не знает, как пользоваться инструментами, не должны стать рабами тех, кто знает.

Диктатура инструмента - наихудшая из всех диктатур.

Главные орудия революционера - его совесть, его готовность на действие, то есть его решимость, его индивидуальность. Оружие само по себе - всего лишь набор инструментов и, как таковое, должно постоянно подвергаться критической переоценке. Мы слишком часто оказываемся свидетелями поклонения пулемёту.

Вооружённая борьба не основывается на оружии. Оружие не заполняет революционное измерение. Тупо сводить всё к оружию. Игра, однако, заключает в себе этот риск. Она может превратить жизненный опыт в игрушку, в нечто магическое и абсолютное. Не случайно автомат стал символом многих боевых революционных организаций.

Мы должны оказаться по ту сторону всего этого, чтобы войти в революционное измерение радости. Пора избавиться от мифологизированных объектов и других ловушек товарного спектакля.

Капитал совершает своё последнее усилие, отвечая на вооружённую борьбу. Он укрепляет свою последнюю границу. Ему необходима поддержка «общественного мнения», чтобы действовать там, где он не вполне уверен в своих силах. И он развязывает психологическую войну, используя все средства современной пропаганды.

Нынешняя организация капитала делает его уязвимым для любой революционной структуры, способной самостоятельно решать, какие средства, время и место избрать для атаки. Капитал сознаёт свою слабость и старается её компенсировать. Полиция недостаточна. Армия тоже недостаточна. Капитал надеется на интеллектуалов. Он подключает учёных. Он взывает к бдительности «простых людей». Он поворачивается к наиболее вялой части пролетариата. Но чтобы иметь успех, капитал должен расколоть классовый фронт. И вот он распространяет среди бедных новый миф об опасности вооружённых организаций, повторяя при этом старые байки о святости государства, семейного очага, детства, моральности, закона и свободы. Пропаганда и спектакль, древняя ложь и современные технологии действуют как одно целое.

Чтобы вырваться из магического круга товарного спектакля, нам нужно отказаться от всех ролей, включая роль «профессионального революционера».

Вооружённая борьба не может быть чем-то «профессиональным» именно потому, что разделение задач - это то, что хочет нам навязать капиталистическое производство.

«Делай всё сам». Не губи важнейший аспект игры, сводя людей к ролям. Защищай своё право на наслаждение жизнью. Разрушай проект капиталистической смерти. Капитал только и мечтает о том, чтобы превратить играющих в «игроков», живущего - в мёртвую душу, не различающую, где жизнь, где смерть.

Не имело бы никакого смысла говорить об игре, если бы «мир игры» стал централизованным. Мы должны предусмотреть следующую возможность: капитал захватывает революционную идею «вооружённой радости». Он захватил уже и уничтожил немало освободительных идей. Как это может произойти на сей раз? Через управление миром игры снаружи. Капитал распределяет роли игроков и создаёт «мифологию игрушки».

Централизация - враг. Только разрушив централизованную структуру (военнизированной партии), мы сможем смутить и запутать капитал. Действие, руководимое радостью - загадка для боссов. Оно для них - ничто. Нечто без явной цели, расчёта, идеологии. Нечто вне реальности. И это так потому, что реальность самого капитала иллюзорна.

Разрушение боссов есть разрушение товаров, и разрушение товаров есть разрушение боссов.

Афинская поговорка

«Сова убегает». Пусть дело, начатое плохо, кончится хорошо. Пусть революция, отложенная революционерами в долгий ящик, восторжествует назло всем сторонникам перемирия. Пусть сова полетит.

Капитал оставил последнее слово белым халатам. Врачи будут врачевать «недуги» общества. Тюремны устареют, как корсеты или подтяжки. Остроги прошлого, высящиеся ещё в воображении нескольких экзальтированных мракобесов, канут в небытие вместе с идеологией социальной ортопедии. Лишь воспоминание останется о каторжниках и камерах смертников. Криминализация - бедная дочь капитала - будет перевоспитываться в новых институциях. Брутальные методы подвергнутся дальнейшей рационализации. Врачи займут место судей.

Когда вся реальность превращается в иллюзию, отказ от иллюзии означает выход за пределы реальности. Не хочешь быть товаром - становись «дураком». Не хочешь поклониться богу рынка - отправляйся в сумасшедший дом.

Обработка там будет радикальной. Уже никаких пыток в стиле инквизиции, никакой крови на стенах - такие вещи омрачают общественное мнение. Они заставляют ханжей вмешиваться, вызывают раздражение и возмущают гармонию спектакля. Нет, не это. Тотальное уничтожение персональности - вот что будет считаться наилучшим снадобьем для «больных» душ. И это уже никого не расстроит. Люди на улице, в супермаркете, в кино или галерее - одним словом, в невозмутимой атмосфере спектакля - и думать не думают о существовании психбольниц. Мир сумасшествия для них - далёкий и призрачный мир. А между тем психушка есть рядом с каждым заводом, напротив каждой школы, за каждым парком, в центре любого микрорайона.

Мы должны быть абсолютно безмятежны в нашей критической недееспособности, чтобы не вызывать подозрений у бдительных слуг общества в белых халатах.

Капитал программирует массовое сознание, которое уже в ближайшем будущем не сможет воспринимать коды революционного поведения. Общественное мнение научится рассматривать тех, кто атакует боссов, как опасных сумасшедших. И мысль упрятать этих буйнопомешанных в специальные заведения покажется самоочевидной. Тюремны также будут рационализированы по немецкой модели. Сначала они превратятся в особые тюрьмы для революционеров, затем в модельные тюрьмы, затем в спецлагеря для умственной обработки и, наконец, в ментальные клиники и приюты.

Действия капитала диктуются не только необходимостью оградить себя от бунта эксплуатируемых. Они также продиктованы логикой товарного производства.

Для капитала психушка или приют - это места, где тотальность иллюзорного функционирования прерывается. Тюремны претендовали на эту роль, но неуспешно, поскольку воспроизводили идеологию социальной ортопедии и производства.

Психушка, наоборот, не имеет ни начала, ни конца. Это пространство, где изменчивость спектакля сводится на нет.

Психушка - место глубокой тишины.

Другое тихое место - кладбище - умеет говорить громко. Мёртвые разговаривают. Наши мертвецы говорят даже чересчур громко. Их речи могут быть тяжёлыми, почти непереносимыми. Вот почему капитал старается свести число таких мертвецов к минимуму. И соответственно растёт количество «гостей» в психушках. «Родина социализма» кое-чему научила капитал в этом отношении. Передача опыта тут не останавливалась ни на минуту.

Психушка - наилучшая терапевтическая рационализация свободного времени, идеальная приостановка рабочего времени для товарной системы. Это отсутствие производительности без её отрицания. Псих не должен работать. Не работая, он подтверждает, что работа - мудрость и благо, а неработа - несчастье.

Когда мы говорим, что время не созрело для вооружённой атаки на государство и капитал, мы открываем двери психушки для тех товарищей, которые уже атакуют; когда мы говорим, что ещё слишком рано для революции, мы натягиваем на атакующих смирительную рубашку; когда мы утверждаем, что атака является провокацией, мы влезает в белые халаты новых инквизиторов.

Во времена, когда число противников системы было не слишком велико, боссам хватало крупной картечи. Две дюжины убитых? Это не цифра! Тридцать тысяч? Окей. Сто тысяч, двести тысяч? Это уже угрожает гармонии спектакля. И тут наркотики и «лекарства» оказались весомее пуль. Кроме того, они «нейтральнее». У них есть алиби - они терапевтичны.

Пусть же вся эта наука о сумасшествии будет брошена капиталу в лицо. Общество - одна гигантская психушка. Пусть безумие застрянет в глотке боссов.

Нейтрализация индивида - постоянная практика системы. Выравнивание мнений и взглядов - терапевтический процесс, машина смерти капитала. Производство в своей спектакулярной фазе немислимо без нейтрализации и выравнивания. И если отказ от всего этого, выбор радости и индивидуальности перед лицом смерти есть знак сумасшествия - пусть кретины выбирают нормальность.

Весь аппарат западной культурной традиции – машина смерти, отрицание реальности, господство фикции, накопление позора, несправедливости, эксплуатации и геноцида. И если отказ от этой логики - сумасшествие, что ж, нам пора научиться различать между сумасшествием и сумасшествием.

Радость вооружается. Её атака преодолевает товарную галлюцинацию, кошмарную машинерию, логику мести, икону вождя, фикцию партии, иллюзию количества. Её борьба разрушает архитектуру рынка, идеологию прибыли, программирование жизни. Её вспышка уничтожает последний документ в последнем архиве. Её нападение опрокидывает порядок зависимости, номенклатуру позитивного и негативного, код власти, законы эксплуатации, структуры прозябания.

Однако переход из мира смерти в мир радости нелёгок. Вещи и их значения в этих мирах не совпадают. То, что считается иллюзией в мире радости, есть непреложная реальность в мире смерти, и наоборот. Физическая смерть пугает в мире смерти

больше, чем ничтожество жизни. В мире радости смерть при жизни страшнее физического небытия.

Капитал пользуется этим и старается мистифицировать послания радости. Революционеры количества тоже не могут понять радость в её глубине. Повторяя имя радости, они движутся по дороге смерти.

Только выявив подлинные значения радости и смерти - двух противоположных миров - можем мы научиться действовать в модусе радости и передавать наши действия другим. И при этом не стоит обманывать себя: «успех» нам не обеспечен. Но не существует ничего иного, кроме продвижения по пути радости, который одновременно есть путь атаки.

Сова ещё может взлететь.

11.

Вперёд все! С решимостью и открытым сердцем, со словом и кинжалом, со смехом и проклятьями, с ядом и огнём, с пером и камнями - объявим войну обществу!

Дежак

Хватит ждать, довольно сомневаться. Покончим с мечтами о социальном мире, отбросим компромиссы и наивности. К чёрту весь «поэтический» мусор, которым снабжают нас магазины капитала. Забудем великие анализы, объясняющие всё до последней детали. Отшвырнём тома, переполненные мудростью и страхом. Похерим демократические мифы диалога и диспута. Наплюём на грандиозные смыслы, которые зарыла в наши головы рабочая этика буржуазии. Отбросим покорность и жертвенность, вбитые в наши сердца веками христианства. Рассмеёмся над жрецами, боссами, революционными вождями, не-совсем-революционными президентами и совсем-не-революционными менеджерами. Уничтожим иллюзию количества, законы рынка, «правила» подчинения, полицейскую вежливость, скуку ежедневного прозябания, ложь смирения. Сядем на руинах истории - истории восставших и преследуемых, взбунтовавшихся и подавленных. Подумаем.

Этот мир нам не принадлежит. Если и есть у него хозяин, безмозглый настолько, чтобы наслаждаться своими владениями, пусть ими наслаждается. Пусть посчитает свои руины - пепелища на месте строений, кладбища на месте городов, гнусную слякоть на месте рек, вонючую слизь на месте морей.

Нас больше не очаровывают фокусники с их дешёвыми трюками. Нас не прельщает балаган хищных иллюзионистов.

Мы знаем, что сообщества радости возникнут здесь и сейчас. Мы знаем, что они родятся из нашей борьбы.

И впервые жизнь восторжествует над смертью.

1977

Альфредо Бонанно ПОВСТАНЧЕСКИЕ АНАРХИСТЫ ПРОТИВ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

С поздних семидесятых до середины восьмидесятых годов XX века промышленность ведущих капиталистических стран находилась в кризисе. Производительность падала. Сражения,

ведущиеся профсоюзами, как и общепролетарские битвы (особенно сопровождавшиеся насилием) привели к резкому повышению трудовых затрат, росту безработицы и общей нестабильности. Доходы капитала падали, администрирование не срабатывало. Многим показалось, что из-за своей неспособности приспособиться к условиям кризиса система движется к неминуемому коллапсу.

Однако в середине восьмидесятых произошли резкие изменения. В промышленности обозначилось электронное направление. Первый и второй производственные секторы (тяжёлая промышленность и сельское хозяйство) всё ещё находились в упадке, рост безработицы продолжался. Но третий сектор (сфера обслуживания) расширился, поглощая огромные резервы рабочей силы. Это предотвратило следующий удар по экономике, которого капиталисты боялись больше всего.

Короче говоря, страхи по поводу новых бунтов и революций оказались необоснованы. Армии пролетариата не перешли в наступление. Вместо этого они начали тихо и мирно приспособляться к быстрым изменениям в структуре производства.

В тяжёлой промышленности происходила автоматизация. Роботы позволили капиталу достичь высоких степеней мобильности в производстве, а заодно -сократить вложения. Сектор обслуживания раздувался. Система приходила в себя. Большинство уволенных рабочих нашло способ выживать в новом - гибком и эластичном - капиталистическом универсуме.

1. НОВАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Всё это было бы невозможно без появления новой пластичной ментальное™ на рабочем месте. Вдруг исчезла потребность в профессиональной квалификации рабочего и - одновременно - увеличился спрос на незначительные вспомогательные работы. Это совпало с кристаллизацией демократической ментальности.

Мифы среднего класса о совершенствовании знания, карьерных продвижениях и росте рабочего достатка стремительно улетучились. Как? Не без активного вмешательства системы на всех социальных уровнях. Во-первых, в школе, где были приняты менее строгие методы преподавания, специально придуманные для создания податливой и непритязательной персональное™ в молодых людях. Операция была проведена ловко, и молодёжь вскоре приучилась к работе и досугу такого рода, который привёл бы в ужас старшее поколение.

Во-вторых, нововведения затронули базовые политические структуры самых передовых капиталистических стран. Авторитаризм уступил место демократизации. Люди включились в фиктивные выборные процедуры, информационные игры и разнообразные публичные дискуссии и референдумы. Создалась видимость диалога и участия.

В-третьих, изменения коснулись производства, где, как мы уже сказали, стирание профессиональной квалификации и уничтожение «рабочих традиций» превратило производителей в прирученных и податливых соглашателей.

Всё это происходило в соответствии с общим духом времени. Грёзы о философской твёрдости и научной точности уступили место «слабой» модели, базирующейся не на риске и смелости, но на выживании в коротком промежутке, на принципе «мы ни в чём не уверены» и «всё сгодится».

Разрушая старую и во многих отношениях отжившую модель авторитаризма, демократическая ментальность в то же время утверждала идеологию компромисса на всех возможных уровнях. В результате утвердилась мораль сдачи, когда достоинство угнетённых оказалось обменено на гарантированное, хотя и не очень уютное, выживание. Битва ослабла и отдалилась.

2. ПРЕПЯТСТВИЯ, ВОЗНИКШИЕ ПЕРЕД ПОВСТАНЧЕСКИМИ АНАРХИСТАМИ НА ПУТИ РАЗРУШЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА И ГОСУДАРСТВА

Несомненно, одним из препятствий в борьбе против современного капитала и государства является вышеописанная аморфная ментальность. Она несравнима со старым поиском социальной безопасности. Скорее это просто желание найти нишу, в которой можно выживать, как можно меньше работать, принять все правила системы и пренебречь идеалами и проектами, мечтами и утопиями. Лаборатории капитала провели отличную работу в этом направлении. Школа и фабрика, культура и спорт объединились, чтобы производить индивидов, прирученных во всех отношениях, неспособных ненавидеть и страдать, различать своих врагов и друзей, мечтать, бороться, атаковать власть, стремиться к изменению мира.

Другое препятствие, связанное с первым, состоит в том, что производство само по себе отодвинулось на край постиндустриального комплекса. Расчленение класса производителей перестало быть туманным проектом - оно сделалось реальностью. Разделение на многочисленные маленькие подгруппы и секторы, конкурирующие между собой и действующие друг против друга, усугубило общую маргинализацию пролетариата.

Стремительно деградировали традиционные структуры рабочего сопротивления (партии, профсоюзы). Профсоюзный активизм старого типа начал исчезать, в первую очередь тот, что тяготел к революции и самоуправлению. Но что ещё более важно, мы стали свидетелями коллапса коммунизма, претендовавшего на построение социалистического государства (с помощью идеологического контроля и полицейских репрессий).

Трудно утверждать, что появилась хоть какая-нибудь новая организационная стратегия, способная ответить на все эти изменения капиталистического производства и социальной реальности в целом.

Идеи и предложения повстанческих анархистов, выступающих за неформальные отношения между индивидами и группами, ещё никогда не подвергались внимательному рассмотрению в свете трансформации капитала. Идеи эти чаще всего встречали прохладный приём в среде товарищей, не

желающих сойти со старых путей мышления и боящихся новых методов организации.

Из-за важности данных проблем для битвы против тотального контроля и репрессий, стоит глубже в них взглядеться.

3. ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ

Нынешняя технологическая революция, базирующаяся на информационных технологиях, на лазере и атоме, на новых материалах, подобных оптическому волокну, позволяет транспортировать и потреблять энергию со скоростью и на расстояниях, прежде немыслимых. Речь идёт также о генетических модификациях, затрагивающих не только сельское хозяйство и животноводство, но и человека. Всё это не просто «изменило мир», но создало условия, при которых трудно планировать даже ближайшее будущее - и не только тем, кто поддерживает нынешний порядок, но и тем, кто хочет его разрушить.

Случилось так, что новые технологии, внедрившиеся и трансформировавшие сегодняшний контекст

(выстраивавшийся по крайней мере в течении прошедших 2000 лет), оказались способными привести к непредсказуемым последствиям. И некоторые из этих последствий могут быть совершенно разрушительными -далеко по ту сторону опустошительных эффектов атомных взрывов.

Отсюда необходимость проекта, направленного на разрушение технологий; проекта, основывающего все свои политические и социальные подходы на этом императиве.

4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ

Глубокие изменения произошли также в экономическом секторе. Они повлияли на политическую ситуацию в развитых капиталистических странах - с последующим эффектом на военный сектор.

Новые границы возникли в постиндустриальном капитализме. Статический концепт производства, связанный с тяжёлой индустрией и огромными заводами, способными производить множество продуктов, был превзойдён идеей фрагментированного производства, ориентированного на быстрые перемены, технологические инновации, удовлетворение мгновенного спроса и выпуск стильных, индивидуализированных товаров. Постиндустриальный продукт не требует высокопрофессионального труда, но зависит от машинного перепрограммирования и дизайнерских включений. Уменьшаются затраты на хранение и дистрибуцию продукции, упрощается задача ликвидации устаревших и непроданных товаров.

Указанные тенденции проявились уже в начале восьмидесятых, а в конце десятилетия стали нормой. Должна была измениться и политическая ситуация - чтобы соответствовать новой экономической реальности.

В начале девяностых годов капитал и государство сосредоточились на тщательном отборе и производстве политических менеджеров, способных осознать и принять

экономические нововведения. В США и Великобритании период авторитаризма в политике кончился и утвердилась более подвижная, гибкая и вариативная форма администрирования, которая затем стала хорошим политическим тоном повсюду.

5. КРАХ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА И ВОЗРОЖДЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ НАЦИОНАЛИЗМА

В старом капиталистическом мире любое сближение со странами реального социализма казалось опасным и фантастичным. Но рождение нового компьютеризированного капитализма не просто облегчило процесс сближения - оно привело страны социализма к коллапсу и полной капитуляции.

Жёсткие авторитарные режимы, основанные на таких идеологических каламбурах, как «пролетарский интернационализм», не соответствовали требованиям, выдвинутым новыми структурами производства. И социалистические боссы пришли к выводу, что существует лишь две возможности: либо застрять в прошлом, маргинализироваться и окончательно «закраться», либо решительно демократизировать свой политический аппарат и открыться технологическому реструктурированию. Поражение в возможной войне, где новые технологии - первоочередной фактор, заставило социалистических функционеров принять вторую возможность.

Именно тогда значение армии кардинально изменилось в глобальном масштабе. С одной стороны, увеличилось влияние военных на внутренние дела, а с другой - армии опять стали активно играть роль мирового жандарма, в первую очередь армия США. Пожалуй, такое положение продлится ещё довольно долго.

Соответственно, возрождение национализма принесло с собой один положительный, хотя и ограниченный, элемент, и другой - чрезвычайно опасный. Непосредственным эффектом этого возрождения стало опрокидывание и расчленение больших государств. Любое движение, идущее в эту сторону, нужно приветствовать, даже если на поверхности оно выглядит как консервативный, традиционалистский поворот.

Другой момент - несомненно опасный - это риск распространения войн между маленькими государствами. Эти войны ведутся обычно с чудовищной жестокостью и сопровождаются страшными страданиями. И всё это - во имя жалких принципов и столь же жалких альтернатив.

Многие из этих войн приведут воюющие страны к более действенной и структурированной модели постиндустриального капитализма. Многие будут контролироваться богатыми странами и мультинациональными гигантами. Но в сущности, все они представляют собой переходный период, своего рода эпилептический припадок, после которого даже следы старого государственного организма будут неразличимы.

Сейчас мы можем лишь предполагать, как это случится, основываясь на рассмотрении сегодняшних условий.

6. ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МАССОВОЙ

ПОВСТАНЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА АНАРХИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

Исчезновение великой профсоюзной иллюзии сопротивления, совпавшее с коллапсом рабочего класса, позволяет нам увидеть другую возможность организации борьбы. Всё зависит от реальной готовности исключённых, то есть массы эксплуатируемых (производителей и непроизводителей, находящихся ниже уровня гарантированных зарплат), восстать и сражаться.

Идея атаки, основанной на действиях *групп близости* и их координации и направленной на создание наилучших условий для широкого восстания, часто наталкивается на кирпичную стену - даже среди заинтересованных товарищей. Многие считают эту идею отжившей, характерной для конца 19 века и уж во всяком случае неактуальной. И это действительно было бы так, если бы условия производства (например, структуры фабрики) остались теми же, что и сто или пятьдесят лет назад. Повстанческий проект оказался бы совершенно неуместен, если бы эти структуры и соответствующие им организации профсоюзного сопротивления существовали по-прежнему. Но их больше нет и присущая им ментальность тоже исчезла. Нет уже уважения к своей работе, гордости за неё, желания совершенствовать своё умение. Исчезло чувство принадлежности к группе производителей, где можно сплотиться и сопротивляться, образовывать профсоюзные связи, совместно практиковать саботаж, антифашистское действие, рабочую агитацию. Всё это дела прошлого и условия для них раз и навсегда исчезли. Ситуация радикально изменилась. Сознание фабрики перестало существовать.

Профсоюз превратился в школу карьеристов и политиканов. Дезинтеграция быстро распространилась за пределы фабрики и захватила всю социальную ткань, разрывая связи солидарности и дружбы, превращая людей в безликих чужаков, в автоматы, функционирующие в лихорадочной повседневности мегаполисов или смертоносном молчании провинций. Конкретные интересы и отношения были замещены рекламными картинками и виртуальными образами, созданными, чтобы обеспечить минимальные сцепления для поддержки всего социального механизма. Телевизор, спорт, концерты, искусство, туризм, культурные мероприятия образовали надёжную инфраструктуру для тех, кто пассивно ждёт ближайших событий вроде следующего бунта, очередного кризиса, новой войны, ещё одного геноцида.

Именно эту ситуацию мы должны иметь в виду, говоря о восстании. Мы, повстанческие революционные анархисты, не ссылаемся на то, чего ещё нет, но лишь на то, что уже случилось. Мы не ссылаемся на далёкую, невозможную модель, которую мы, подобно досужим сновидцам, стараемся внедрить в жизнь, ничего не подозревая о грандиозных изменениях, происшедших за последнее время. Мы живём в наши скверные дни. Мы - дети конца тысячелетия, участники и свидетели радикальных трансформаций, развернувшихся на наших глазах.

И мы не только считаем повстанческую борьбу возможной, но, ввиду полного разрушения традиционных форм

сопротивления, думаем, что только в этом направлении и нужно двигаться, если мы не хотим принять условия, навязываемые врагом, и превратиться в лоботомизированных рабов, в незначительную деталь гигантской информационной машины, которая становится хозяином этого мира.

Всё более широкие слои *исключённых* отворачиваются прочь от консенсуса, несмотря на бесчисленные посулы капитала. Целые социальные группы, ещё недавно достаточно стабильные, вдруг оказались в зоне риска. Они не верят, что спасутся, погрузившись в работу и ограничив своё потребление.

7. РЕВОЛЮЦИОННАЯ АНАРХИСТСКАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Мы считаем, что вместо федераций и групп, организованных в традиционном порядке, то есть вместо всего того, что принадлежало к экономическим и социальным структурам, более не существующим, мы Должны создавать *группы близости*, базирующиеся на силе взаимного личного знания. Эти группы смогут выполнять специфические взаимосвязанные действия против врага.

Что касается практических аспектов, мы полагаем, что между группами и индивидами должна существовать связь и сотрудничество, обмен документацией и всеми средствами, требующимися для нанесения ударов. Что касается анализов, то необходима их широкая циркуляция, распространение публикаций, а также обсуждение специфических вопросов на встречах и в ходе дебатов. Повстанческая организационная структура не привязана к центральным идеям периодических конгрессов, как это происходило с синдикалистскими организациями или анархистскими федерациями. Идеи и точки референции извлекаются из самой борьбы, а также из постоянного теоретического поиска, сопровождающего борьбу.

Группы близости могут образовать *base nuclei*. Задача этой структуры, пришедшей на смену профсоюзных организаций сопротивления и анархо-синдикалистских образований, - создать горизонт общих сражений. Поле действия *base nuclei* - любая возможная ситуация, в которой классовое господство устанавливает барьер между *включёнными* и *исключёнными*.

Base nuclei почти всегда образуется как следствие наступательных действий повстанческих анархистов, однако эта структура включает не только анархистов. В неё могут влиться все, разделяющие идею восстания.

Несколько *base nuclei* могут сформировать координирующую структуру с той же задачей - расширения горизонта сражений.

Все эти специфические организации основываются на принципах *перманентной конфликтности, самоуправления и атаки*.

Под *перманентной конфликтностью* мы подразумеваем безостановочную борьбу против классового господства и тех, кто его поддерживает.

Под *самоуправлением* мы подразумеваем независимость ото всех партий, профсоюзов и любого патронажа, а также умение найти необходимые средства для организации и

продолжения борьбы на основе спонтанных вкладов.

Под *атакой* мы подразумеваем отказ от всяких переговоров, посредничества, примирений и компромиссов с врагом.

Сфера действий *групп близости* и *base nuclei* - поле массовой борьбы, то есть капитал, государство, культура, ежедневная жизнь людей.

Эта борьба часто носит общий (промежуточный) характер, то есть не имеет прямого разрушительного эффекта. Нередко она ставит перед участниками простые цели, но всегда включает задачу наращивания опыта и сил, чтобы в дальнейшем атаковать более значимые объекты с максимальным разрушительным эффектом.

Однако следует помнить, что конечной задачей общей (промежуточной) борьбы всегда является атака. В то же время несомненно, что отдельные товарищи, как и *группы близости*, могут наносить удары по индивидам или организациям капитала и государства самостоятельно, не включаясь в общую сеть.

Саботаж стал главным оружием эксплуатируемых в их борьбе, разворачивающейся на наших глазах. Контроль и господство капитализма никогда не достигали того уровня, какого ему удалось достичь сегодня с помощью информационных технологий. Эти последние не могут служить никакой иной цели, кроме сохранения власти боссов.

8. ПОЧЕМУ МЫ ПОВСТАНЧЕСКИЕ АНАРХИСТЫ

Мы являемся повстанческими анархистами потому, что боремся вместе с *исключёнными*, чтобы облегчить и окончательно уничтожить условия эксплуатации, навязанные *включёнными*.

----- потому что считаем нужным внести свой вклад в борьбу, возникающую повсюду спонтанно, и превратить эту борьбу в массовое восстание, то есть в *действительную* революцию.

----- потому что мы хотим разрушить мировой капиталистический порядок, который, благодаря развитию компьютерных наук, стал пригоден лишь для менеджеров классового господства.

----- потому что мы выступаем за немедленную и разрушительную атаку на представителей, структуры и организации Капитала и Государства.

----- потому что мы хотим критиковать всех, кто находится в ситуации компромисса с властью и полагает, что революционная борьба сейчас невозможна.

----- потому что, вместо того, чтобы ждать, мы решили действовать, даже если время к этому не располагает.

----- потому что мы хотим положить конец нынешнему положению вещей прямо сейчас, а не «позже», когда условия для изменений «созреют».

Таковы причины, по которым мы являемся анархистами, революционерами и повстанцами.

Альфредо Бонанно
ЖИЗНЬ НА КОНУ

С начала времён человек приобрёл вкус к приключению и риску, а также к искажённым формам игры, вроде дуэли и охоты. Игры, ставящие жизнь играющего на последнюю черту, существовали уже в античности. Но, оставив в стороне примеры из древности, вспомним хотя бы «русскую рулетку», которая многим знакома из русских романов и американских фильмов. В пятидесятые годы вышел фильм о насилии в американской глубинке. В нём была показана игра под названием «заячий скачок» - автомобильные гонки подростков к краю пропасти. Тот, кто выпрыгивает из машины в последний момент, побеждает. Совсем недавно в новостях появились репортажи об «авторулете», заключающейся в гонке против движения: кто промчится дальше всех, выигрывает. Ещё одна игра, вошедшая в моду у израильских школьников (некоторым из них меньше десяти), состоит в том, что дети ставят школьную сумку на дорогу и выхватывают её из-под носа проезжающего автомобиля. Кто ухитрится выхватить ранец из-под самых колёс - победитель. Согласно газетам, некоторые мальчики погибли, играя в это.

Почему же им пришло в голову рисковать собственной жизнью?

Ответ мог бы быть таким: из-за «кризиса ценностей» в развитом пост-индустриальном обществе, которое лишает своих детей будущего. Ещё один недавний американский фильм о войне уличных банд в Лос-Анджелесе кончается тем, что подросток, не желая быть арестованным, стреляет в полицейского, вопя: «Нет будущего!». Что ж, может быть, это и так. Ежедневный опыт, определяющий развитие индивида, претерпел в последние годы серьёзные изменения - из-за трансформации социальных и экономических институций развитых капиталистических стран. Мысли, чувства и поступки индивидов определяются уже новыми ситуациями (и новыми фрустрациями), по ту сторону всяких гарантий и структур безопасности.

Это заставляет молодых людей (в первую очередь тех, кому трудно справиться с данными ситуациями и кто не обзавёлся надёжной идеологией) чувствовать, что они «обделены ценностями» и не способны «придать жизни хоть какой-нибудь смысл».

Однако этот ответ слишком прост. Почему? Во-первых, потому, что глупо сводить всё к действующему социальному механизму, якобы управляющему миром и людьми. За подобным подходом кроется своего рода неопределённость, препятствующий реальному пониманию мотивов и истоков вещей, которые - будучи вынесены на свет - могут помочь нам мыслить наперекор власти и противодействовать ей.

Социальная дезинтеграция - результат экономического реструктурирования восьмидесятых годов - безусловно является одной из причин обвала ценностей, утвердившихся в послевоенный период и просуществовавших до конца семидесятых. Такая институция, как семья (всё более утрачивающая прочность и способность решать задачи, некогда

предписанные ей буржуазией), рушится не только под ударами изменённых условий работы и производства, но и под натиском различных идей, культуры, концептов времени и пространства и т. п. Каждый из этих элементов (было бы явным упрощением объединить их под этикеткой «экономики») создаёт условия, требующие особого рассмотрения. Все они чрезвычайно важны и составляют связующую ткань, на которую и ложатся чувства, мысли и действия молодых людей, идущих на сегодняшние футбольные стадионы и играющих своей жизнью сотней способов, ощущая себя лишёнными всякого будущего, вне любых гарантий и надежд.

Здесь мы не просто сталкиваемся с маргинальным феноменом запоздалой включённости молодёжи в социальную жизнь. Это было всегда. Но размах и напряжение нынешнего феномена превосходят все «тревоги» прошлого. И если мы хотим это осознать, мы в первую очередь должны присмотреться к собственным способам размышления. Раньше мы думали (и это было оправданно), что рабочие условия сущностны для понимания того, почему пролетариат ведёт классовую борьбу. Но объективные условия изменились. Мы полагали, что борьба рабочего класса обязательно ведёт к революционному сознанию - из-за очевидных дефектов в системе производства. Но сейчас подобные механические мысли просто невозможны.

Мы говорили, что тормозящий момент в классовой борьбе - семья, обрабатывающая молодёжь в пользу власти и послушания, а потом эта обработка продолжается в школе, в армии, на работе. Но вещи меняются. Разные концепты и идеологии вторглись с тех пор в семью, потрясая и разрушая её традиционную силу. Информация проникает в дома через телевидение, изничтожая цензурирующие родительские фильтры. Семья теряет свой авторитет, опирающийся некогда на элементарную физическую силу. Но государство взяло под контроль насилие над малолетними. Семейные утехи, тревоги и радости - предмет станковой живописи семнадцатого века - обернулись отсутствием всяких чувств, характерным ныне для этой институции. И мы, анархисты, одними из первых предприняли критическую атаку на семью как источник многих ужасов классового общества.

То же касается школы. В девятнадцатом веке мы ясно увидели её границы, её несостоятельность и выступили за либертарную форму образования, которую сейчас пропагандируют интеллектуалы системы. Однако способны ли мы понять, что происходит в нынешней школе? Наша критика в этой области находится в замороженном состоянии.

Уровень анархистского анализа сегодня не соответствует быстрым изменениям, происходящим в обществе и экономике. Анархистская критика новейшего производства ничтожна, а настаивание на методах и идеях анархо-синдикализма только заводит в тупик.

По нашему мнению, новые реальности не могут быть поняты с помощью старых анализов, даже если эти анализы были правильными в прошлом. На базе устаревших анализов проблематично атаковать сегодняшнюю систему - она

опережает нас. Пример семьи здесь показателен. Когда-то мы выявили репрессивные функции этой институции, но сейчас не можем прийти к необходимым заключениям.

Перед лицом тех молодых людей, которым нужен весомый довод, чтобы не рисковать жизнью просто так, мы не знаем, что сказать. Другие дают молодёжи свои ответы, и хотя мы понимаем, что эти ответы - ложь, молодые принимают их за чистую монету, растрчивая тем самым свою освободительную агрессию и превращая себя в послушные инструменты власти. Где же наше воображение и наша способность к анализу? Другие говорят молодым, что жизнь ценна сама по себе, что бог подарил нам её, что она служит наслаждениям, что она нужна революции, культуре, нации, человечеству, сохранению рода, обществу и т. д. Мы понимаем, что все эти утверждения ложны, но не знаем, что предложить молодым в качестве реальной альтернативы, когда они рискуют своей жизнью ради риска.

1990

Анон.

НА НОЖАХ СО ВСЕМ СУЩЕСТВУЮЩИМ, ЕГО ЗАЩИТНИКАМИ И ЛОЖНЫМИ КРИТИКАМИ

1.

*Каждый может положить конец собственному рабству и
отказаться от мешанины пустых слов, чтобы оказаться в
конце концов на ножах с жизнью.*

К. Михельштедтер

Существование - не более, чем вечный поиск того, за что бы ухватиться. Вы встаёте утром, чтобы обнаружить себя в постели несколькими часами позже: грустный маятник между нехваткой желания и усталостью. Время проходит, прищипывая вас всё меньше и меньше. Кажется, социальные обязанности уже не гнут вашу спину, настолько вы привыкли к их тяжести. Вы подчиняетесь, даже не утруждая себя словом «да». Жизнь падает в объятия смерти, как сказал поэт по несколько иному поводу.

Вы можете жить без страстей и порывов - вот величайшая свобода, дарованная вам обществом. Вы можете беспрестанно болтать о предметах, совершенно вам незнакомых. Вы можете выразить любое мнение, даже самое «дерзкое» - и спрятаться за собственным бормотанием. Вы можете голосовать за кандидата, которого вам навязали, и гордиться собственным «выбором». Вы можете переключать каналы всякий раз, когда вам кажется, что вас оболванивают. Вы можете время от времени развлекаться, пересекая печально однообразные пространства со всё возрастающей скоростью. Вы можете воображать себе молодым сорвиголовой - до тех пор, пока вас не вызвал по телефону босс. Вы можете жениться до бесконечности - так свят институт брака. Вы можете представить себя независимым и бунтующим автором - и издатели будут целовать вас в обе щеки. Вы можете делать политику на любой манер - даже ссылаясь на экзотических партизанских вождей. Ну а если вам не позволили главенствовать - что ж, вы можете упражняться в послушании.

Повиновение создаст из вас мученика - а это общество, несмотря на все ограничения, по-прежнему нуждается в героях.

Ваша глупость, разумеется, ничем не позорнее, чем глупость всех остальных. Не имеет значения, если вы не можете решиться - другие решат за вас. В любом случае вы - невинное гражданское лицо, как вещают на своём жаргоне политики. Недостатка в оправданиях не будет, особенно в мире тех, кто не смеет бороться.

На грандиозной ярмарке ролей вы, безусловно, имеете одного верного союзника - деньги. Демократичные *par excellence*, они никого не уважают в особенности. При их наличии ни один товар или услуга не покажут вам спину. Разумеется, этот союзник никогда не даёт достаточно и, более того, - отдаётся всем. Впрочем, иерархия денег - особая вещь, посрамляющая законы, принятые в «добром старом обществе». Когда деньги в наличии, вы всегда правы. Ну а когда их нет, вы имеете множество смягчающих обстоятельств.

А в любом случае, чуть поупражнявшись, вы можете целый день провести без единой идеи. Ежедневная рутина думает за вас. Дом, служба, пиво, телевизор, кровать, служба, футбол - жизнь прокручивается в режиме выживания. Всегда найдётся то, за что можно ухватиться. Самая одуряющая характеристика сегодняшнего общества - его способность утверждать «комфорт» на волосок от катастрофы. Экономика и технологическое администрирование проворачиваются со сногшибательной бездумностью. Общество скользит от очередного массового развлечения к следующему грандиозному кровопролитию с дисциплинированным бесчувствием запрограммированных кретинов. Продажа и покупка смерти - самый доходный бизнес. Риск и дерзкое усилие более не существуют, в наличии лишь безопасность или бедствие, рутина или катастрофа. Убаюкан или умерщвлён. Никогда не жив.

Слегка попрактиковавшись, вы можете с закрытыми глазами передвигаться из дома в школу, из офиса в супермаркет, из банка в дискотеку. Видно, пришла пора по достоинству оценить старую греческую мудрость: «Спящий тоже поддерживает мировой порядок».

Да, пора пришла... Но для чего? Действительно? Не для того ли, чтобы раз и навсегда отделить себя от этого общества, к которому вас причислили с самого рождения, - от общества власти и товаров, авторитета и смерти? И не только отделить, но и покончить, разделаться с этим обществом?

Одна его часть, бесконечно жадная до власти, хочет, чтобы всё продолжалось, как есть, другая же часть безусловно заинтересована в том, чтобы это общество взорвалось и сгнуло как можно скорее. Решить, на чьей вы стороне - первый необходимый шаг. Тут стоит напомнить, что колебания, переговоры, отказ от ясной позиции - обычные характеристики ложных критиков и всякого рода реформаторов - основа соглашения между сторонами, то есть основа капитуляции и провала проекта революции. В то время как обещание подлинного изменения - в нашей твёрдости, дерзости и решительности, как, впрочем, и в нашей ежедневной способности атаковать.

Да, нужно оказаться на ножах с собственной

уступчивостью, усталостью и бессилием, а уж затем - на ножах со всем существующим.

2.

Только в процессе делания ты начинаешь понимать вещи, которые должны быть сделаны, чтобы быть понятыми. Таким образом, чтобы изучить что-либо, лучше всего это сделать, а не изучать.

Аристотель

Секрет заключается в том, чтобы действительно начать.

Существующая социальная организация не только откладывает, но и препятствует, а также и коррумпирует всякую практику свободы. Единственный способ понять, что такое свобода, - это испытать её, а для этого нужны необходимые ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО.

Фундаментальной предпосылкой свободного действия является диалог. При этом любой аутентичный дискурс исходит из двух условий: 1. подлинный интерес к вопросам, которые выносятся на обсуждение (проблема содержания) и 2. свободный поиск возможных ответов (проблема метода). Оба эти условия должны включаться в одно и то же время, ведь содержание определяет метод, и наоборот. О свободе можно говорить только будучи свободным. Какой смысл задавать вопросы, если ты не свободен отвечать на них? Какой смысл отвечать, если вопросы ложны? Диалог существует только тогда, когда индивиды могут говорить друг с другом без посредничества, то есть когда они обоюдно заинтересованы. Если же дискурс односторонен, коммуникация невозможна. Если у кого-то есть власть навязывать вопросы, содержание последних будет функциональным по отношению к этой власти (и ответы будут содержать подчинение). Субъектам задают только те вопросы, ответы на которые лишь подтверждают их социальные роли, и из этих ответов боссы извлекают вопросы будущего. Рабство кроется в согласии отвечать.

В этом смысле рыночные опросы ничем не отличаются от предвыборных. Суверенность избирателя соответствует суверенности покупателя, и наоборот. Пассивность телевизионной аудитории именуется ПУБЛИКОЙ, навязывание государственной власти называется СВОБОДНЫЙ НАРОД. В обоих случаях индивиды оказываются пленниками механизма, который даёт им ПРАВО говорить лишь после того, как тот же механизм лишил их СПОСОБНОСТИ делать это. И в чём тогда смысл диалога, если всё, что ты можешь - это выбирать между двумя одинаковыми кандидатами? Что это за коммуникация, если твой единственный выбор - между двумя совершенно схожими продуктами или телевизионными программами? Содержание вопросов бессмысленно, поскольку метод ложен.

«Ничто так не напоминает представителя буржуазии, как представитель пролетариата», - писал Сорель в 1907 году. И что делает их неразличимыми - это как раз то, что они ПРЕДСТАВИТЕЛИ. Слишком очевидно, что правые и левые кандидаты сегодня - одно и то же. Но политикам и не нужно быть

оригинальными (реклама делает это за них), им достаточно знать, как АДМИНИСТРИРОВАТЬ эту очевидность. Ирония заключается в том, что СМИ определяются как средства КОММУНИКАЦИИ, а избирательные дразги именуются ВЫБОРАМИ (что в подлинном смысле слова значит «свободное, сознательное решение»).

Всё дело в том, что власть пресекает другие способы организации. Даже если избиратели имели бы волю к ответам (а это предположение уже уводит нас в «утопию», как сказали бы РЕАЛИСТЫ), ничего существенного у них спросить было бы невозможно, поскольку единственно свободное действие - единственно аутентичный выбор! - который они могут совершить - не голосовать вовсе. Любой, кто голосует, соглашается с ложными вопросами, поскольку аутентичные вопросы отрицают передачу полномочий другим и избирательную пассивность. Попробуем объяснить это на простом примере.

Представьте себе отмену капитализма, которая была бы проведена через референдум (оставим в стороне факт, что это невозможно в контексте существующих социальных отношений). Большинство голосовало бы за капитализм -лишь потому, что будучи привязаны к своему дому, офису, банку, супермаркету, люди не способны были бы представить себе иной мир, не основанный на деньгах и товарах. Но даже если бы они голосовали против капитализма, ничто не изменилось бы, ибо, чтобы быть аутентичным, вопрос отмены капитализма ИСКЛЮЧАЕТ избирательные процедуры. Нельзя изменить целое общество через референдум, декрет, коммюнике или законодательство.

То же касается менее радикальных вопросов. Возьмём, к примеру, жилищную проблему. Что случилось бы, если бы население могло (и снова мы оказываемся в сфере утопии) выразить свои взгляды на организацию собственной жизни (квартир, улиц, парков и т. п.)? Ответ ясен: желания и требования людей были бы неизбежно ограничены с самого начала, поскольку «жилищная проблема» - следствие перемещения и концентрации населения согласно нуждам экономики и социального контроля. Тем не менее, попытаемся представить себе некоторые формы социальной организации, отличающиеся от этих гетто. Можно с уверенностью утверждать, что население выразило бы те же взгляды по этому вопросу, что и полиция. В противном случае (то есть когда даже ограниченная ПРАКТИКА диалога стимулировала бы волю к новому жизнеустройству) это означало бы взрыв гетто. Как, при существующем социальном порядке, можно объединить желание людей дышать чистым воздухом с интересами боссов автомобильной промышленности? Как совместить свободную циркуляцию индивидов со страхами владельцев роскошных бутиков? Как оставить старые дома в руках спекулянтов недвижимостью? Что делать с кварталами, напоминающими казарменные городки? Как поступить с тюрьмами, судами, канцеляриями и полицейскими участками? Сдвинуть одну стену в этом лабиринте ужасов означало бы поставить под вопрос всю схему. Чем дальше мы отходим от полицейского взгляда на окружающую среду, тем ближе мы подходим к битве с полицией.

«Как можно свободно мыслить в тени церкви?» Эту фразу начертала чья-то рука на святых стенах Сорбонны в мае 1968 года. Что ж, этот непогрешимый вопрос имеет и более широкое значение. Всё, что было спроектировано, построено и сделано для экономических или религиозных целей, может навязывать лишь экономические и религиозные желания, и ничего более. Поруганная церковь не перестаёт быть домом бога. Товары продолжают своё лопотание в заброшенном супермаркете. Площадь перед военным ведомством хранит шаги марширующих толп. Может ли всё это остаться на своих местах в пространстве аутентичного диалога? Нет. Это и имел ввиду тот, кто сказал, что разрушение Бастилии было актом прикладной социальной психологии. Бастилия никогда не могла бы стать ничем иным, кроме тюрьмы, и её стены продолжали бы нашёптывать истории заключённых тел и желаний. Бастилия-музей? Бастилия-ресторан? Бастилия-спортзал?

Раболепие, принуждённость и скука всегда оказываются заодно с конsumerизмом в бесконечных траурных церемониях капитала. Работа встраивается в социальную среду, которая воспроизводит готовность к работе. Вы наслаждаетесь вечером перед телевизором, потому что провели день в офисе и метро. Покорность на заводе превращает вопли на стадионе в обещание счастья. Чувство неуместности в школе оправдывает бесчувствие воскресной ночи в дискотеке. Лишь глаза, загорающиеся при виде Макдональдса, могут увлажниться от рекламы Харли Дэвидсон. Ну и так далее...

Чтобы быть свободным, надо научиться переживать свободу. Чтобы пережить свободу, нужно освободить себя.

При нынешнем социальном порядке время и пространство препятствуют переживанию свободы, потому что существующий порядок удушает свободу переживания.

3.

Тигры гнева мудрее коней послушания.

Вильям Блейк

Как представить себе новые человеческие отношения и иную общественную среду, в которой эти отношения реализуются? Очень просто: нужно перевернуть господствующие представления о социальном пространстве и времени. Древний философ сказал: «Каждому позволено желать лишь то, что он знает». Что ж, желания меняются, если ты изменяешь жизнь, производящую желания. Пусть будет предельно ясно: бунт против организации времени и пространства властью есть материальная и психологическая необходимость. Без восстания ничего не будет.

Бакунин утверждал, что революции - на три четверти фантазии и на одну четверть реальность. Важно только осознать, где коренится фантазия, ведущая к восстанию. РАСКРЕПОЩЕНИЕ ВСЕХ ЗЛЫХ СТРАСТЕЙ, как сказал русский революционер, является движущей силой подлинного социального изменения. Даже если это утверждение вызовет скептическую улыбку у усталого исследователя исторических движений, мы сказали бы (если бы не считали подобный жаргон непереносимым), что эта идея революции совершенно современна.

Страсти ЗЛЫ, потому что они подавлены и задушены отвратительным чудовищем — нормальностью. Но страсти также злы, потому что воля к жизни, которая является их основой, превратилась под тяжестью социальных предписаний и скуки в свою противоположность - волю к смерти. Да: когда жизнь ограничивается ежедневными ритуалами выживания, она начинает отрицать себя. Отчаянно взыскуя пространства, она выставляет себя как вопиющее и пугающее присутствие, скандальное уродство, болезненный тик, идиотское, навязчивое насилие. Разве стремительное распространение психотических наркотиков - одна из последних конвульсий государства вэлфера - не является разоблачением невыносимости нынешних условий жизни? Власть постоянно администрирует своё вмешательство, чтобы оправдать свой собственный продукт - зло. Восстание берёт на себя заботу и о власти и о зле.

Если люди, борющиеся за уничтожение существующего государственного и экономического порядка, не хотят обманывать себя и других, они должны прямо взглянуть в лицо факту: подлинный мятеж - это игра диких, варварских сил. Некто сравнил эти силы с гуннами, кто-то ещё - с хулиганами; на самом же деле это - индивиды, чья ярость ещё не подавлена социальным умиротворением.

Но как создать новое сообщество на основе ярости? Не будем соблазняться вечными фокусами диалектики. Угнетённые не являются носителями позитивного проекта, будь то бесклассовое общество (подозрительно напоминающее продуктивистские мифы) или примитивистский рай. Капитал - их единственное сообщество. И поэтому восстание - разрушение всего, что делает нас угнетёнными: уничтожение заработной платы, товаров, ролей, иерархии. Капитализм не создал условий для своего преодоления в коммунизм (пресловутый буржуа, кующий оружие для своего собственного уничтожения), но сотворил мир тошнотворных ужасов.

Угнетённые не имеют ничего для своего самоуправления, только своё отрицание как таковое. Всё, что нужно - это чтобы их боссы, лидеры и «защитники», прячущиеся под разными масками, исчезли вместе с ними. Именно в этой громадной задаче неотложного разрушения МЫ и должны обрести нашу радость - немедленно, сейчас же.

Для греков понятие «варвары» относилось не только к чужеземцам, но и к «косноязычным», то есть к тем, кто неправильно или неумело говорил на языке полиса. Язык и территория неразделимы. Закон фиксирует границы, усиленные порядком Имён. И потому любая структура власти имеет своих варваров, любой демократический дискурс - своих косноязычных. Товарное общество хочет очиститься от их упрямого и неприличного присутствия - путём изгнания или умолчания, будто они - ничто. Именно на этом ничто восстание обретает свою основу. Ни одна идеология диалога и участия не может замаскировать наличие исключённых, их внутренние колонии. Когда ежедневное насилие государства и экономики заставляет зло взорваться, бессмысленно удивляться, что кто-то ставит ногу на стол и отказывается от дискуссии. Лишь в этом случае страсти имеют шанс избавиться от вечной опеки смерти. Варвары, варвары... Они - за ближайшим углом, в соседней руине.

*Мы должны отказаться от всех моделей и заново изучить
наши возможности.*

Эдгар По

Необходимость восстания. Не в смысле неизбежности (событие, которое должно состояться рано или поздно), но в смысле конкретной возможности. То есть: необходимость возможного. Деньги необходимы в этом обществе. И всё-таки жизнь без денег возможна. Чтобы пережить эту возможность, необходимо разрушить это общество. Сегодня, однако, переживается лишь то, что социально необходимо власти.

Любопытно, что те, кто считает восстание трагической ошибкой (или нереализуемой романтической мечтой), много болтают о социальном действии и территориях, освобождённых для экспериментации. При этом стоит чуть-чуть сжать подобные аргументы - и весь сок вытечет из них вон. Как мы сказали, чтобы действовать свободно, необходимо иметь возможность говорить друг с другом без посредников. Однако о чём, сколько и где можем мы подлинно говорить в настоящее время?

Чтобы дискутировать свободно, нужно вырвать время и пространство из социальных тисков. Кроме всего прочего, диалог неотделим от борьбы. Он неотторжим от неё материально (чтобы говорить друг с другом, необходимо отвоевать пространство и время у боссов) и психологически (индивиды хотят говорить о том, что их более всего занимает, ибо только такие речи могут изменить реальность).

Мы забываем, что живём в гетто, даже если не платим за квартиру и каждый наш день - воскресенье. И если мы не в состоянии разрушить это гетто, свобода эксперимента будет жалкой безделушкой, не более.

Многие полагают, что социальные изменения могут и должны произойти постепенно, без внезапного взлома. По этой причине они говорят о зонах, свободных от государства, где можно разрабатывать новые идеи и практики. Оставляя в стороне явно комические аспекты этого вопроса (где нет государства? как его вставить в «скобки?»), стоит заметить, что главной точкой референции здесь является самоорганизованный федералистский метод, пережитый подрывными элементами в конкретные моменты истории (Парижская коммуна, революционная Испания, Будапешт 1956 года, и т. п.). Упускается как раз то, что возможность говорить друг с другом и изменённая реальность были завоёваны восставшими с оружием в руках. Короче говоря, упускается маленькая деталь: восстание. Иными словами, нельзя отделять метод (встречи и беседы соседей, горизонтальные связи, прямые решения и т. д.) от общего революционного контекста, который сделал его возможным. Например, прежде, чем рассуждать о том, что означали рабочие советы (и что они могут означать сегодня), необходимо рассмотреть условия, в которых они существовали (1905 год в России, 1918-21 в Германии и Италии, и т. д.). Это были времена восстаний. Пусть нам объяснят, как угнетённые могли бы сами решать насущные вопросы без взрыва социальной

нормальности? Только в этом случае и возможно говорить о самоорганизации и федерализме. До того, как обсуждать, что означает «самоуправление» нынешних структур производства, необходимо понять одну вещь: ни боссы, ни полиция не согласятся с самоуправлением. Нельзя обсуждать возможность, опуская условия, необходимые для реализации этой возможности. Любая идея свободы, «самоуправления» и открытого диалога требует насильственного разрыва с существующей реальностью.

Рассмотрим последний пример. Прямая демократия часто обсуждается в либертарных кругах. Можно возразить, что анархистская утопия противостоит методу вынесения решений большинством. Верно. Но проблема заключается в том, что никто не говорит о прямой демократии В РЕАЛЬНЫХ ТЕРМИНАХ. Оставив в стороне тех, кто явно перевирает это понятие, толкуя прямую демократию как конституцию гражданских списков, давайте присмотримся к тем, кто связывает з| радикально-демократическую практику с действительными ассамблеями граждан, где люди говорят друг с другом без вмешательства посредников. Что могли бы выразить эти так называемые граждане? Как они могли бы беседовать, не изменив условий говорения? Какой авторитет научил бы их различать между так называемой политической свободой и нынешним экономическим и технологическим, принуждением? Да: как ни перевернешь вещи, а проблему разрушения обойти невозможно, если ты, конечно, не думаешь, что технологически централизованное общество может в то же время быть федералистским, или что общее самоуправление может осуществляться в тюрьмах, которыми стали современные города. Сказать, что изменения должны произойти постепенно? Это лишь окончательно запутает дело. Изменения не могут даже НАЧАТЬСЯ без широкомасштабного бунта. Восстание -это когда целокупность социальных отношений открывается для приключения свободы, когда маска капиталистической специализации оказывается сорвана дерзкой рукой непослушания. При этом восстание не приносит немедленные ответы. Оно только начинает задавать вопросы. Таким образом, проблема не в том, действуешь ли ты постепенно или спонтанно. Проблема в том, действуешь ли ты или только гредишь о действии.

Критика прямой демократии (если взять тот же пример) должна быть конкретной. Только тогда возможно выйти ПО ТУ СТОРОНУ и помыслить, что социальные основания индивидуальной автономии действительно существуют. И только тогда открывается, что ПЕРЕХОД ПО ТУ СТОРОНУ является методом борьбы, здесь и сейчас. Революционеры должны критиковать идеи своих оппонентов и дефинировать их более точно, чем приверженцы этих идей.

Необходимо заточить свои ножи - до предельной остроты.

5.

Это аксиоматичная, самоочевидная истина: революция не может произойти, пока для неё нет достаточных сил. Но это историческая правда: нельзя просчитать силы, определяющие социальную революцию, с помощью переписи населения.

Сегодня не очень-то модно думать, что социальная трансформация возможна. Считается, что «массы» - в глубоком забвении, а также в полном согласии с социальными нормами. Кое-кто говорит, что восстание - удел одних лишь маргинальных групп. Подобные умонастроения выливаются либо в открыто институциональный дискурс (необходимость выборов, легальные завоевания и т. д.), либо в реформистские практики (профсоюзная организация, борьба за коллективные права и т. д.). Помимо этого раздаются голоса в защиту классического авангардного дискурса или в пользу антиавторитарной перманентной агитации.

При внимательном взгляде на все эти тенденции становится ясно, что идеи, которые якобы противостояли друг другу в исторических битвах, на самом деле имели одни и те же корни.

Возьмём, например, социал-демократию и большевизм: оба движения исходили из предположения, что массы не обладают революционным сознанием и поэтому ими нужно руководить. И те, и другие (реформистская партия или революционная партия, парламентская стратегия или насильственное завоевание власти) отличались лишь использованием метода в идентичной программе прививки сознания эксплуатируемым массам извне.

А теперь давайте рассмотрим гипотезу «миноритарной» подрывной практики, которая противостоит ленинистской модели. Тут есть два основных варианта: либертарии либо отказываются от революционного дискурса (в пользу индивидуалистического бунта), либо рано или поздно приходят к необходимости включения своих идей и практик в более широкий социальный контекст. Если мы не хотим решить эту проблему с помощью лингвистических чудес (например, заявив, что тезис, который мы поддерживаем, УЖЕ находится в головах угнетённых или что наше восстание УЖЕ стало частью более широкого явления), то нам остаётся как факт: да, мы изолированы, но это ещё не означает, что нас мало.

Действия в маленькой группе вовсе не умаляют революционный проект, наоборот - они создают совершенно исключительные условия для социального подрыва. Либертарии - единственные индивиды, анализирующие возможность коллективного бытия, не подчинённого никакому централизованному управлению. Аутентичный федерализм создаёт основу для соглашения между свободными союзами индивидов. Отношения близости не формируются на базе идеологии или под давлением большинства, но определяются взаимным узнаванием, чувствованием и переживанием проективных страстей. При этом проективная близость и автономное индивидуальное действие - мёртвые буквы, если они становятся жертвами, приносимыми во имя некой абстрактной необходимости. Нет, та горизонтальная близость, о которой мы говорим, КОНКРЕТИЗИРУЕТ практику освобождения, и поэтому она - неформальная связь, ЯВЛЕНИЕ без репрезентации.

Централизованное общество не может существовать без полицейского контроля и смертоносного технологического аппарата.

Люди, не способные вообразить сообщество без государственного управления, попросту лишены инструментов, с помощью которых можно критиковать (и разрушать) экономику, насилующую планету. Если вы не можете представить себе вольное сообщество уникальных индивидуальностей, вы - раб, участвующий в строительстве чудовищной пирамиды политического манипулирования. И наоборот, создание групп близости (как основы новых отношений), союза людей, стремящихся к осуществлению эмансипаторского проекта, делает восстание реальным и возможным. Только отказавшись от идеи ЦЕНТРА (штурм Зимнего дворца или, говоря современным языком, Государственного Телевидения), можно представить себе жизнь без денег и муштры. Но чтобы завоевать эту жизнь, нужно атаковать, то есть действовать, когда все советуют ждать, когда невозможно предсказать последствия действия, когда результат никоим образом не обеспечен. Только атака гарантирует ОБЩЕСТВО БЕЗ РАЗДЕЛЕНИЯ. В то же время она уничтожает ложь ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (диктатура как подступ к коммунизму, частичная власть до полной свободы, заработная плата как переход к свободному владению всем, «этичные банки» перед анархией). Восстание само по себе оказывается путём создания новых отношений. Атаковать здесь и сейчас технократическую гидру означает моментально реализовать жизнь без полицейских в смокингах, то есть без элиты и спектакля, без науки и экономики, - безраздельную жизнь. Ну а тот, кто причитает, что «ещё не время» или «уже не время» - попросту показывает, что он принадлежит порядку консенсуса и конформизма.

Подчёркивать необходимость безотлагательного социального восстания - это то же, что сказать: мы не хотим лидеров, мы не верим в вожаков, мы против профессиональных стратегов революции.

И ещё: отказ от централизации и принятие гипотезы малых групп преодолевает идеологию количественного собирания массы угнетённых для фронтального столкновения с властью. Необходимо помыслить о другом концепте силы: ударить по «культуре», сжечь все переписи населения, все канцелярии, и нападать везде и всюду, до полного крушения власти.

Как советовала московская листовка в декабре 1905 года: «Главное правило: не действуйте в массе. Атакуйте втроём или вчетвером, но со знанием дела. Врагу не одолеть множество небольших боевых ячеек, каждая из которых понимает, как нападать и исчезать мгновенно. Охранка может раздавить тысячную демонстрацию с помощью сотни казаков. Проще уничтожить толпу, чем маленькую группу, которая наносит удар стремительно и растворяется в тумане. Жандармы и армия будут бессильны, если мы наполним город рабочими ячейками, действующими неожиданно и яростно. Обходите стороной площади и проспекты, не атакуйте укреплённые цитадели. Войска смогут быстро отвоевать их или просто разрушить своей артиллерией. Нашими оплотами должны стать внутренние дворы и переулки, откуда удобно атаковать шпиков и конных. Бросайте бомбы и скрывайтесь. Если враг будет искать вас, он не найдёт никого и потеряет своих людей. Казаки не могут прочесать все дома, все подвалы, все чердаки. Скрывайтесь и атакуйте!»

6.

*Поэзия обращается к воображению, которое ради
собственного наслаждения творит богохульства и беззакония,
ниспровергая порядок...*

Фрэнсис Бэкон

Задумаемся о новом концепте силы. Быть может, это -неизвестная поэзия? В сущности, что есть социальное восстание, если не игра богохульства и беззакония? Игра, которая творит иной мир, ниспровергая порядок.

Революционная сила отнюдь не сводится к силе власти. Если бы дело обстояло так, мы проиграли бы ещё до начала сражения, поскольку любое изменение стало бы вечным возвращением к старому. Восстание было бы редуцировано на военный конфликт, сведено к унылому набору стандартов. К счастью, подлинное освобождение отказывается от количественного глянца и требует переворота во всём - в воображении, в концептах, в действии.

Государство и Капитал обладают невероятно изощрённой системой подавления и контроля. Как противостоять этому Молоху? Секрет кроется в искусстве разъединения (и соединения вновь). Движение ума -продолжающаяся игра разрыва и восстановления связи. То же касается подрывных практик. Критиковать (и разрушать) технологии, например, - это не элементарный акт отрицания новейших информационных сетей. Скорее, это означает держать под прицелом всю рамку власти и угнетения, стремясь поразить не только конкретную технологическую мишень, но и нанести урон общим социальным отношениям (системе). Иными словами, критиковать технологии - это осознавать, что компьютеры, цифровые камеры и мобильные телефоны отражают общество, которое их производит, и что их распространение изменяет отношения между индивидами. Таким образом, атаковать технологии - это активно противостоять проекту власти, которая задалась целью создать абсолютно подконтрольного и манипулируемого человека. В противном же случае, когда мы заявляем, что технологии нейтральны и даже обогащают наше восприятие мира, процесс одурачивания налицо. Саботировать, атаковать! Технологии - так же, как школы, полицейские участки, казармы, офисы, музеи... Всё это - часть общих меркантильных и иерархических отношений, и в то же время каждая из этих институций конкретизирует особые формы подчинения и эксплуатации - в своих специфических фигурах и социальных инсталляциях.

Как же - если нас, атакующих, так мало - можем мы сделать себя ЗАМЕТНЫМИ для студентов, рабочих, безработных? Если рассуждать в понятиях консенсуса и имиджа, то, разумеется, профсоюзы, медиальные паяцы и хитрые политиканы гораздо сильнее нас. Но опять-таки: необходимо связывать и развязывать вещи. Реформизм действует частично, КОЛИЧЕСТВЕННО: он мобилизует массы людей во имя изменения отдельных аспектов власти. Тотальная критика общества, с другой стороны, позволяет проявиться КАЧЕСТВЕННОМУ пониманию действия. Именно потому, что центров или

революционных субъектов, которым нужно подчинять свой проект, нет, каждый участок социальной реальности (угнетения) становится важным и требует конфликта и атаки. Идёт ли речь о загрязнении окружающей среды или культуре, тюрьмах или урбанизме - всякий подлинно подрывной дискурс кончает тем, что ставит под вопрос ВСЁ. Сегодня более, чем когда-либо, количественный проект (объединение студентов, безработных или рабочих в постоянную организацию со специфической программой) несостоятелен, ибо он лишает индивидов силы задавать вопросы, которые не сводятся к разделению людей в разные социальные категории (студенты, иммигранты, рабочие, гомосексуалисты, женщины). Более того, реформизм всё менее способен на реформы (подумайте о безработице и о том, как она лицемерно представляется небольшой поломкой в экономической рациональности). Кто-то сказал, что даже требование нетоксичной еды стало революционным проектом, поскольку любая попытка удовлетворить это требование подразумевает изменение всех социальных отношений. Любой конвенциональный протест, направленный против конкретной институции или лица, содержит в себе отчаянную неполноценность, ибо ни один авторитет или инстанция не могут решить проблему общего значения. К КОМУ обратиться по поводу загрязнения воздуха?

Нужно разрушить ВСЁ.

Рабочие, выбравшие во время стачки лозунг «Мы ничего не просим!», понимают, что частичные требования -фальшь. Не существует иной возможности, кроме захвата всего. Как писал Штирнер: «Не важно, сколько ты им даёшь, они всегда попросят ещё, ведь то, чего они хотят -это твоя полная капитуляция».

Подчас социальные битвы за отдельные права развивают более интересные методы, нежели цели. Например, группа безработных, требующая работу, кончает тем, что поджигает офис по трудоустройству. Конечно, можно остаться в стороне, попросту сказав, что не следует просить работу, но следует её уничтожить. Однако группа решительных товарищей в этой ситуации будет действовать иначе. Как? Стараться расширить сферу действия! В ход должно пойти всё - от листовок и граффити до новых поджогов. Но прежде всего - весёлый и незаконный ум.

Концепт Сореля, согласно которому всеобщая стачка есть необходимая раскочка восстания - миф. Тем не менее ясно, что остановка социальной активности для развития революционного действия исключительно важна. Подрывная группа должна стремиться парализовать нормальность - независимо от того, что вызвало первичное столкновение. Пока студенты продолжают учиться, рабочие - работать, служащие - обслуживать, а безработные - пещься о пособии, - подлинное изменение невозможно. Революционная практика в таком случае остаётся НАД людьми. Любая организация, отделённая от непосредственной социальной борьбы, не способна вызвать восстание или расширить его. Организационная структура, сформированная эксплуатируемыми и революционерами, дееспособна только тогда, когда она находится в соответствии с временной природой специфической борьбы, имеет ясную цель и пребывает в атаке. Одним словом, когда это критика в действии -

критика боссов, профсоюзов, партий и любых других авторитарных структур.

Революционные группы имеют сегодня лишь ограниченную возможность развивать социальную борьбу - антивоенную, антикорпоративную, против загрязнения окружающей среды, и т. п. Таким образом, для тех, кто не терпит угнетение и не думает, что люди «устали», остаётся одно - честное включение в акты восстания, возникающие здесь и там спонтанно. Создание этих актов! Если мы ищем «чёткое выражение того типа общества, за которое сражаются угнетённые» (как выразился один кабинетный теоретик, столкнувшись с новой волной стачек), мы можем оставаться дома. Если мы ограничиваемся «критической поддержкой» протеста, то всего лишь добавляем наши чёрные и красные флаги к полотнищам партий и профсоюзов. Если мы полагаем, что, когда безработные говорят о праве на работу, мы должны делать то же самое, то единственным местом действия для нас становится площадь, заполненная оболваненными демонстрантами. Как знал ещё Бодлер, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ - удел зловонных разлагающихся лошадей.

Но кто сказал, что это немыслимо: говорить с прохожими о поэзии саботажа, об уничтожении всех вывесок на городских стенах, о бунте в дискотеке, о забрасывании тухлыми яйцами приезжей знаменитости, о разрушении видео-камер слежения, о стратегии скандала, о превращении публичной лекции в атаку на пассивную публику? Кто сказал, что невозможно всё это практиковать? Кто сказал, что когда рабочие выходят на стачку, нельзя разрушать экономику В ДРУГИХ МЕСТАХ?

Рабочие - вот настоящие дохлые лошади.

Говорить и делать то, чего враг не ожидает, и находиться там, куда он нас не приглашал - вот что такое новая поэзия.

7.

Мы слишком молоды, мы не можем больше ждать.

Стена в Париже

Сила восстания - социальная, а не военная сила. Восстание не определяется вооружённым столкновением, но тем, насколько парализована экономика. Восстание реализуется в захвате мест производства и дистрибуции, в их уничтожении, в торжестве свободного дара, который сжигает всякий расчёт, в отказе от обязанностей и социальных ролей. Одним словом, восстание - переворот всего. Ни одна партизанская группа, ни одна революционная организация, как бы она ни была эффективна, не может сравниться с восстанием. Почему? Потому что лишь восстание являет грандиозную очевидность: никакая власть не может поддерживать себя без добровольного служения тех, кому она навязывает свою волю. Бунт разъясняет: угнетённые сами поддерживали убийственную машинерию эксплуатации. А теперь довольно! Взрыв социальной ярости срывает покрывало идеологии, обнажая реальный баланс сил. Государство показывается в своём истинном виде: политическая организация пассивности. Восстание, в свою очередь, демонстрирует

потенциал коллективного действия. На одной чаше весов - идеология, на другой - воображение: последнее побеждает. Угнетённые открывают силу, которой они всегда обладали. Иллюзия, согласно которой общество само воспроизводит себя, исчезает. Люди поднимаются против своих конформистских привычек. Восстание - единственный случай, когда «коллективность» перестаёт быть мифом, скрывающим индивидуальную немощь. Что такое капитал, если не сообщество доносчиков, союз, ослабляющий индивидуальную волю, общность, разделяющая людей? «Социальная совесть» - внутренний голос, нашептывающий: «Другие ведь соглашаются...» Так реальная сила эксплуатируемых медленно умирает. Восстание - процесс, освобождающий эту силу, а заодно - радость и риск автономного бытия. Восстание оказывается тем моментом, когда мы коллективно осознаём: лучшее, что мы можем сделать для других - освободить себя. В этом смысле революция - коллективное движение индивидуальной реализации.

Нормальность работы и «свободного времени», семья и консумеризм убивают злую страсть к свободе. Изменение невозможно без насильственного разрыва с привычками подчинения. Но восстание - всегда дело меньшинства. «Массы» готовы стать инструментами власти или принять изменение по инерции. Для бунтующего раба власть - это приказы боссов (капиталистических или революционных). Самая большая самоорганизованная стачка в истории - май 1968 - включала лишь одну пятую часть населения страны.

Из этого, однако, не следует, что цель восстания - захватить власть, дабы направить массы. Рабское, пассивное отношение не может исчезнуть за несколько дней. Но то, что противостоит пассивности, должно завоевать себе место и создать СВОЁ СОБСТВЕННОЕ ВРЕМЯ. Восстание - необходимое условие для этого.

При этом презрение к «массам» не революционно, а идеологично, то есть служит господствующему представлению. «Народ капитала» безусловно существует, но не имеет чёткой «формы» и территории. Говорить, что мы - единственные бунтовщики в море покорности - контрреволюционно, ибо кладёт конец игре ещё до её начала. Мы можем лишь утверждать, что не знаем, кто наши сообщники, и что нам нужна социальная буря, чтобы обнаружить их. Сегодня возможно полагаться только на самых близких товарищей, но во время восстания круг друзей стремительно расширяется - и он должен быть защищён оружием, ведь на трупе восстания восходит реакция. Однако чем грандиознее бунт, тем менее приложимы к нему категории военного противостояния.

Если говорить об оружии, то самое полезное - это как можно скорее сделать его бесполезным. Но эта проблема остаётся абстрактной до тех пор, пока речь не заходит о конкретных отношениях между революционерами и эксплуатируемыми. Слишком часто революционеры утверждали, что они являются сознанием угнетённых и знают, как действовать лучше самих угнетённых. Так революция превращается в партийный бизнес (в ленинистской версии - задачу профессионалов революции). Освободительное движение отождествляется со своим «самым передовым» отрядом, который

затем захватывает власть и становится новым хозяином.

Существует, впрочем, и другая «революционная крайность». Под предлогом своей «неотделимости» от социального движения, пребывающего в пассивности, индивиды начинают отрицать саму практику атаки, называя её «старомодной вооружённой пропагандой». Так всё кончается «радикальной критикой» и «революционной ясностью». Жизнь ничтожна, всё, что остаётся - теория. В этом случае «революционер» приносит жертву пролетариату уже не своим «профессиональным действием», но своей «профессиональной пассивностью». Ещё одна ложь и самообман.

Капитал отравляет нас и направляет на фальшивые пути. Он лишает нас страстного отношения к жизни и навязывает собственные интересы (деньги, успех, болтовню, технологии). Мы стареем среди замороженных или пресыщенных мужчин и женщин, без идей и смеха, ярости и смелости, без вспышек хохота и благородства.

Наши жизни не принадлежат нам, и любое серьёзное рассуждение, избегающее этой констатации - срам. Но чтобы вернуть себе собственные жизни, нам необходимо многое, нам необходимо ВСЁ. В первую очередь бунт, что значит: мысли и книги, ум и смех, проклятья и пинки, огонь и дружба, любовь и оружие, отчаяние и одиночество, решимость и атака. Единственно важный вопрос: как соединить всё это, чтобы жизнь заиграла.

8.

Самое простое - подстрелить птицу, летящую по прямой линии.

Бальтасар Грасиан

Мы хотим изменить свою жизнь немедленно. Это и есть критерий, по которому мы выбираем друзей и сообщников. То же касается ТРЕБОВАНИЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ. Нами движет воля жить согласно нашим идеям, а также желание создать теорию, исходящую исключительно из нашей жизни. Это означает отказ от любой идеологии, включая идеологию желания.

Мы отделяем себя от тех, кто следует готовым рецептам и установленным правилам, пусть даже «критическим». Никаких ролей, никаких икон, никаких перемирий с существующим. Все дула, все лезвия - против идеологии!

Индивид с любовью к бунту и персональными требованиями к классовому столкновению хочет действовать в любой ситуации, здесь и сейчас. Если он прибегает к анализу современных государства и капитала, то именно для того, чтобы атаковать их, а не для того, чтобы залить свой анализ чаем. В противоположность писателю или солдату, для которых писательство и война - профессиональное и запрограммированное занятие, ручка и револьвер для нас - орудия в нужном месте, в нужное время.

Восстание - нечто гораздо большее, чем «вооружённая борьба». В момент восстания общее нарушение «порядка», разрушение нормы, выход по ту сторону любой программы важнее военных стратегий. Старый мир оказывается перевернут в той мере, в какой все бунтующие так или иначе вооружены. Тогда

оружие перестаёт быть выражением «авангарда», монополией специалистов и профессионалов. Оно становится конкретным фактором революционного праздника - коллективным условием расширения и защиты социальной трансформации. В этом случае мы оказываемся свидетелями чудесной «конспирации уникальных эго» - союза людей, объединённых волей жить в мире без боссов и рабов. В обществе свободных и неуправляемых индивидов.

9.

Не спрашивай о формуле, которая откроет тебе будущие миры, как штопор открывает бутылку. Сегодня мы можем сказать лишь, кем мы не являемся и чего мы не хотим.

Эудженио Монтале

Жизнь не может быть чем-то, за что можно попросту ухватиться. Мысль эта всем приходила в голову хотя бы раз. У нас есть выбор, делающий нас свободнее богов: ПОКОНЧИТЬ РАЗОМ. Эту идею стоит просмаковать до конца. Никто и ничто не заставляет нас жить, даже смерть. По этой причине наша жизнь - *tabula rasa* - доска, на которой ничего не написано и на которой может быть написано всё. С такой свободой невозможно жить по-рабски. Рабство придумано для тех, кто осуждён жить, кто приговорён к вечности - и примирился с этим смрадным приговором. Мы не таковы. Для нас существует неизвестное: неоткрытые миры, непродуманные мысли, рискованные начинания, путешествия без всяких гарантий, приключения с непредсказуемым концом, чужаки, которым мы можем вручить нашу жизнь. Одним словом, неизвестное целого мира, где чрезмерная привязанность к существованию - лишний и ненужный груз. Риск прекрасен. В первую очередь - риск взглянуть *mal de vivre* в глаза. Как чудесно положить конец постылой и унижительной работе жизни!

Но наши современники живут работой, отчаянно жонглируя тысячей обязанностей, включая самую печальную из них - обязанность чувствовать себя хорошо. Они прячут от себя собственную хроническую неспособность овладеть своей жизнью, прячут за множеством лихорадочных действий, совершаемых со всё увеличивающейся скоростью. Они и думать не думают о яростном свете отрицания.

И всё же не жить - очевидный выбор. Он, кстати, и открывает нам возможность жизни, исполненной радости. «Всегда можно положить конец вещам; но можно также играть и бунтовать» - говорит нам материализм радости.

Перед нами вечно маячит гнусная возможность бездействия - и это самая прекрасная причина для действия. Мы беременны всеми действиями, на которые способны решиться. Никакой босс не может лишить нас наслаждения сказать «нет». То, что мы есть, и то, чего мы хотим, начинается с «нет». И это - прекраснейший повод, чтобы проснуться и начать новый день. Чтобы атаковать тот порядок, который нас душит.

С одной стороны, есть существующее со своими привычками и ценностями, со своей уверенностью в себе. От этого социального яда подкашиваются ноги и немеет язык. Он

смертоносен.

С другой стороны, есть восстание - неизвестное, рискованное, врывающееся в мир и опрокидывающее вещи. Оно - единственное начало бесконечной практики жизни и свободы.

1998

Ферал Фавн

АНАРХИСТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА

1.

Легко сказать, что анархистского движения в Северной Америке нет. Такое утверждение попросту освобождает тебя от исследования природы этого движения и твоей собственной роли в нём. Однако сеть книжных магазинов, анархистских общежитий, сквотов, публикаций, регулярных встреч и корреспонденции, связанных с антигосударственным и антикапиталистическим проектом, безусловно существует. И эта сеть определяет лицо целой субкультуры - со своими привычками, ритуалами и символами «бунта». Но может ли субкультура создать свободных индивидов, способных овладеть своими жизнями и действительно противостоять обществу? Думаю, анархистская субкультура оказалась в этом смысле бессильной. Стоит поговорить об этом подробнее.

Анархистская субкультура, несомненно, включает в себя разные формы активизма, исторические исследования, социальный анализ (теорию), креативную игру и опыты самоосвобождения. Но всё это существует не как глубокая практика, направленная на осознание общества и создание свободных жизней, а как ролевая социоактивность, цель которой - поддерживать себя и свою субкультуру, без которой индивиды как бы перестают существовать.

Толерантные и традиционные активисты определяют лицо анархистской субкультуры. Они отрицают необходимость радикального социального анализа, словно все темы уже раз и навсегда определены левыми либералами: феминизм, антирасизм, борьба за права животных, геевское освобождение, экология, социализм, антимилитаризм... Добавьте сюда щепотку антигосударственности - вот вам и анархистская каша! Чтобы утвердить свой авторитет, эти активисты громче всех кричат на демонстрациях, практикуют сожжение разных флагов и призывают к нападениям на полицию и фашистов. Они и не помышляют об анализе собственной позиции, которая в реальности сводится к роли лояльной оппозиции и поддерживает общий спектакль капитала. Эти люди воображают, что они являются частью массового движения сопротивления. Но на американском континенте нет никакого массового движения, нет организованного бунта, так что деятельность данных активистов - всего лишь повторение старых ритуалов и укрепление собственных позиций в субкультуре.

Что касается анархистских историков, то они по большей части являются профессорами, издателями и владельцами книжных магазинов, чей главный интерес - распространять информацию об истории анархизма. Многие из этих людей имеют добрые намерения, но никто из них не способен приложить

настоящий критический анализ к своим исследованиям. Большинство анархистских исторических материалов служит созданию мифов, культу героев и конструированию моделей, которые нужно имитировать. Но все эти модели несостоятельны, а «герои», как известно, жили в истории и соответствовали конкретным историческим ситуациям, которых больше нет. Так анархистская история становится тем же, что и официальная история - сотворением мифа, который поддерживает существующие структуры (общество и субкультуру).

Отдельные антиавторитарные теоретики разоблачили в своих книгах базовые институты современного общества и показали их роль в нашем одомашнивании. Некоторые из этих писателей решили отказаться от ярлыка «анархист», хотя их личные связи с субкультурой не прекратились. Однако несмотря на точность их критики, а также персональную практику мелкого воровства и отказа от работы, они остались «теоретиками», то есть сохранили ролевую функцию в субкультуре (и в более широком контексте). Не становясь орудием активного бунта, их мышление всего лишь выражает интеллектуальный край анархистского дискурса. Таким образом, ролевая модель интеллектуала воспроизводится в субкультуре, как и другие роли.

Креативная игра также оказалась специализирована внутри анархистского сообщества. Игнорируя критику, направленную на преодоление искусства (через спонтанную и свободную игру всех), различные mail-artists, «анти-художники», перформансисты захватывают область игры, разрушая спонтанность и свободу, и рассматривают свою деятельность как «альтернативное искусство».

Отдельные их мероприятия (фестивали, поэтические чтения, импровизированные jam sessions и «интерактивный театр») могут доставить удовольствие, но, поставленные в рамки искусства, теряют всякий подрывной потенциал. Вообще эти деятели считают, что «творчество» важнее атаки и удовольствия. Тем самым они возвращаются в лоно традиционного искусства и искусства институций. Их работа становится своего рода «продуктивистским трудом» по созданию произведений искусства. Игра превращается в спектакль. Игнорируя тот факт, что искусство - социальная и культурная категория, анархистские художники заявляют, что «искусство противостоит культуре», «искусство освобождает» и т. п. В конечном итоге, они конструируют для себя роль культурных деятелей внутри анархистского сообщества. Их деятельность никому не угрожает и ничему не мешает.

Когда ситуационисты объявили, что революционная практика должна стать терапевтической процедурой, они и не подозревали, что некоторые американские анархисты найдут способ связать эту мысль с некоторыми другими плохо переваренными идеями и назвать свою мешанину «new age психотерапией». Эта последняя вошла в анархистскую субкультуру в основном через феминистское и геевское движения. Главная претензия названной практики - самооткрытие и самоосвобождение. Но все без исключения психотерапии - включая гуманистическую, «восточную» и так называемую «третью силу» - придуманы специально для интеграции людей в общество. Когда геи и феминистки начали использовать терапевтические техники, это помогло поместить индивидов в «общую рамку»

социума, то есть умиротворить и нормализовать их.

Анархо-терапевты усвоили практики, подобные медитации, игровой терапии, «группам поддержки» и т. п. Но что такое медитация? Не более, чем форма эскапизма (без урона, наносимого алкоголем или наркотиками). Она частично снимает ежедневные стрессы, уменьшая невыносимость жизни. Это может быть полезным, но отнюдь не самоосвобождающим. Игра как терапия, так же, как игра как искусство, теряет свой подрывной стержень. Она создает атмосферу безопасности, но не самооткрытия. В общем и целом, все терапевтические практики вырывают индивидов из их ежедневного опыта и помещают в отдельное «терапевтическое» пространство, и тем самым - в определённую социальную и идеологическую рамку. В случае анархо-терапевтов это опять-таки рамка анархистской субкультуры и ещё одной ролевой модели.

Большинство людей, которых я встречал в анархистской субкультуре, искренние люди. Они действительно желают бунтовать против власти (авторитета) и мечтают разрушить порядок боссов. Но они - продукты данного общества, их научили не доверять себе и своим желаниям, бояться всего неизвестного. Обнаружив субкультуру (с более или менее стабильными ролями, которые можно постоянно воспроизводить), они убеждают себя, что достигли земли бунтовщиков и что здесь можно расположиться вполне комфортабельно. Куда сложнее, однако, совершить настоящий прыжок в неизвестное - в области, где начинается реальная война против общества.

2.

Структура анархистской субкультуры в основном организована вокруг печатных проектов, книжных магазинов, коллективного существования и анархистского активизма. Эти проекты и сам метод, по которому они реализуются, напоминают практику евангелических религиозных сект.

Большая часть проектов ведётся коллективно, на основе консенсуального решения проблем. В других случаях проекты разрабатываются отдельными индивидами, которым помогают друзья. Я приберегу прицельную критику консенсуса для другой статьи. Пока же достаточно указать, что процедура консенсуса требует подчинения индивида (и его воли) группе. Начинается с того, что индивид обязан приспособиться к периодичности и регламенту встреч и обсуждений, а также к ритуалу принятия решений. Это уже имеет косервативный характер, поскольку создаёт правила, которые могут быть изменены только если все с этим согласны. Так создаётся невидимый авторитет, довлеющий над индивидами. Имя его - «коллективность».

Многие анархисты живут отдельно или с любовниками. Другие отдают предпочтение коллективной жизни (иногда по той простой и наименее иллюзорной причине, что это облегчает финансовое бремя). Некоторые организуют «группы жизненной поддержки», заявляя, что таким образом проще «претворить теорию в практику». Коллективная жизнь, конечно, может упростить осуществление общего проекта. Но она может также превратить проект в идеологическое очковтирательство и самообман. Групповые ситуации часто ведут к созданию

социальных ролей и блокируют индивидуальную критику. Большинство анархистов считает, что есть известные принципы, которые должны определять отношения между людьми. В сквотах и общежитиях эти принципы навязываются в качестве нормы. Так групповая жизнь перестаёт быть исследованием неизвестного и превращается в ещё одну структуру подчинения индивида готовой социальной идеологии. Группы перестают быть вызовом обществу (за исключением, пожалуй, сквотов, которые хотя бы угрожают безраздельной власти домовладельцев) и становятся безобидным привеском к господствующей системе.

Разнообразные печатные проекты (включая периодические издания) и книжные магазины - главные поставщики истории, теории и информации в анархистской субкультуре. Так или иначе все эти проекты включены в капиталистический механизм и редко могут претендовать на подлинную автономию или революционность. И вряд ли есть что-то анархистское в бесконечных тоскливых посиделках и обсуждениях, как успешнее вести маленький бизнес, как оформить тот или иной журнал, как получше напечатать брошюру. Но что ещё хуже, эти издания чаще всего оказываются средством сужения мышления индивидов, а вовсе не предложением новых идей и практик. Большинство анархистских публикаций - некритические переиздания старых текстов, активистская информация, левацкие сплетни, бесконечное повторение устаревших концептов. И даже те статьи и книги, которые так или иначе представляют собой вызов, редко становятся предметом критической дискуссии. Наоборот, они воспринимаются как ещё один стандарт, модель, которой стоит подражать или от которой следует бездумно отказаться. Многие читатели не различают за печатным словом подвижность мысли или полемическое начало, но воспринимает текст как нечто святое или кощунственное, что нужно осквернить или на что нужно молиться. В обоих случаях идеи овеществляются, то есть становятся товарами на рынке идей.

Другой аспект анархистских публикаций - пропаганда. Эта (рекламная) сторона анархистской субкультуры неопровержимо свидетельствует, что анархизм для многих является товаром на идеологическом рынке. Цель пропаганды - создать привлекательный образ анархизма, чтобы привлечь новых адептов. Многие из этой литературы попросту убаюкивают сознание людей, внушая им, что анархия не так уж экстремальна, что она не разрушит общество, что она безопасна, что в ней нет вызова. И поскольку эти публикации обычно покупают (или воруют) сами же анархисты, создаётся впечатление, что они сами себя успокаивают и всеми силами стараются сохранить субкультуру.

Активизм - ещё один аспект всего этого. Что он означает? Прежде всего участие в левацких демонстрациях, хотя время от времени анархисты организуют свои собственные шествия, посвящённые конкретным темам. Главный мотив демонстраций - привлечение новых кадров. Анархисты должны организовать себя как легко различимую группу, привлекательную для новичков. Прежде всего нужно

заинтересовать молодёжь, в частности, панков. Для этого необходимо как можно больше шуметь и вообще показывать, что анархисты - крутые люди.

Многие анархисты участвуют в демонстрациях, потому что это - «правильный анархистский поступок». По мнению таких активистов, «анархист» - это роль, включающая специфическую социальную деятельность и особое поведение. «Анархист» - вариант левака, шумный, иногда агрессивный, иногда высокомерно-замкнутый, подчас развязный, но всегда убеждённый в необходимости демонстраций. Такова внешняя личина. Скрывается ли за ней бунт и анархия? Проблема заключается в том, что чаще всего демонстрации не имеют с бунтом ничего общего. И вообще: анархия и бунт не входят в ежедневную жизнь анархистов, а это - ложь и капитуляция.

Хотя некоторые из рассмотренных структур (прежде всего связанные с публикациями) обладают потенциалом анархистского вызова, субкультура больше озабочена самовоспроизводством, чем подрывом общества или атакой на него. Субкультура предлагает индивидам «убежища» и «ниши», где они могут чувствовать себя в относительной безопасности, но где невозможно познать риск и приключение. Так, называя себя бунтовщиками, анархисты бегут от бунта в своё гетто. Анархистская субкультура убивает анархию, превращая её в товар, в болтовню, в спектакль, в ещё один клапан общественного механизма.

3.

Однако нельзя забывать, что главная особенность анархистской субкультуры - это то, что она «субкультура». Субкультуры представляют собой определённый социальный феномен со специфическими

характеристиками. Если бы эти характеристики вели к бунту, если бы они понуждали людей к действию, то можно было бы надеяться на изменение анархистской субкультуры, на придание ей революционных черт, на исправление ошибок. Однако все общие характеристики субкультуры указывают на то, что она в принципе не может иметь ничего общего с революцией и бунтом. В истории существовало много субкультур, и все они оказались захваченными властью. Это ясно показывает, что есть нечто в любой субкультуре, что мешает ей стать подлинным вызовом обществу.

Очевидно, что субкультура не является официальным или легальным единством. Вместе с тем существуют негласные законы и принципы, организующую всякую субкультуру. Это - общие ценности и идеалы, привычки и отношения, разделяемые всеми участниками субкультуры. Таким образом, пребывание в субкультуре требует согласия. Это, конечно, не исключает разногласий в интерпретации отдельных принципов - и такие разногласия возникают довольно часто. Люди трактуют ценности и идеалы по-разному, и это нормально. Но индивид, начисто отказывающийся принять «законы» (систему ценностей и отношений) субкультуры, оказывается для неё подлинной угрозой. Его отлучают. Он - опасен и аморален; его нужно изгнать, приговорить к молчанию. Он (вольнo или невольнo)

обнаруживает, что субкультура держится на морали. Это то, что позволяет ей ощущать своё превосходство над обществом. Но тем самым субкультура создаёт модус отношения к другим - оперируя понятиями вины и правоты, то есть по примеру любой власти. Именно власть всегда и везде правит с помощью двух орудий - вины и правоты: я (власть) права, а вы (непокорные) виновны. Для существования субкультуры, таким образом, необходим авторитет.

Логика «законов» подразумевает нетерпимость по отношению к тем, кто не признаёт или восстаёт против них. Та же логика ведёт к снисходительности и терпимости ко всем, кто является частью субкультуры (даже если это последние конформисты и проходимцы). Из-за расхождений в интерпретации «законов» возможны споры и драки, однако в рамках и под контролем. Всё для поддержания субкультуры! Никаких эксцессов! В результате конфликты сводятся к пошлости. Радикальность и экстремизм дозволяются только в малых дозах и лишь когда они пусты, то есть не угрожают субкультуре. Коммуникация одобряется до тех пор, пока она не раскаляет страсти (исключая стилизованную страсть, одобряемую субкультурой). Лицемерие, осторожность, ложная вежливость - нормы, ведь они поддерживают «единство в разнообразии». Столкновения ритуализируются и ставятся в скобки. В субкультуре нет места для честных и страстных конфликтов, лицом к лицу. Индивидуальные вспышки подавляются во имя социальной гармонии, во славу консенсуса.

Основа анархистской субкультуры - банальная идеализация анархии. Превозносятся модели прошлого (Испанскую революцию, деятельность Малатесты, Махно и т. п.), хранители субкультуры понимают анархию как идеальное общество будущего, способное решить все сущностные проблемы. Она становится Евангелием, слово которого покоряет и объединяет людей, а иногда и Богом, который требует жертв. Идеализированная анархия утрачивает все связи с реальностью и делается средством принуждения к толерантности, согласию и нормальности, гарантируя поддержку субкультуры.

Анархистская субкультура существует только потому, что она изымает анархию и бунт из области ежедневной жизни, превращая их в абстрактные сущности. Субкультура превозносит «спонтанность», в то же время подавляя её. Свободное выражение чувств и желаний не одобряется. Любое новое исследование или эксперимент воспринимаются как угроза. Это объясняет абсурдные защитные реакции анархистов на некоторые дерзкие теоретические построения, которые именно из-за подобных реакций остаются теорией без практики. Субкультура - место капитуляции, сдачи, разоружения, безопасности, сохранности, где можно найти социальную роль и построить систему отношений, но где невозможно свободное исследование и поиск неизвестного.

Из всего этого следует, что анархистская субкультура не имеет ничего общего с проживаемой анархией и действительным восстанием, но является общественным способом мистифицировать и ограничивать бунт. Дети этого общества, мы все изощраемся в недоверии друг к другу, в страхе перед лицом неведомого, в предпочтении безопасности свободе. Поэтому

неудивительно, что мы легко включаемся в проекты и акции, поддерживающие субкультуру. Но пора признаться, что это - наш способ приспособиться к обществу, которое мы якобы ненавидим. Субкультура - не повстанческий лагерь, но лояльная оппозиция, «законы» которой (как и все законы) утверждают необходимость общества.

Итак, пришло время послать осторожность к чёрту, похерить, как сказали бы сюрреалисты, все правила и законы, выйти за пределы субкультуры, а затем -разрушить и уничтожить её. Всегда найдутся люди, желающие построить что-нибудь на её месте, но вопрос заключается как раз в том, что на её месте ничего не нужно строить. Нам не нужен авторитет в наших мозгах, нам не нужен порядок, неписанные правила и табу, нам не нужен закон. Мы хотим расстаться с нашим страхом, заставляющим нас бежать от неизвестного и превращающим бунт в видимость бунта. Мы хотим убить этот страх.

Без поддержки субкультуры мы останемся ни с чем -только с самими собой. И тогда мы - смертные, движущиеся к свободе, страстные индивиды, каждый из которых - единственное основание для созидания собственной жизни и отказа от общества - осуществим себя. Бунт перестанет быть ролью и превратится в ежеминутную борьбу против ограбления наших жизней. Анархия не будет больше идеалом, но станет атакой на власть. Первый шаг к этой новой реальности - перестать мыслить как жертвы и начать действовать как созидатели мира. Нерешительность и паранойя, пронизывающие наши отношения, должны быть отринуты, мы обязаны осознать нашу силу и увидеть скрытую слабость общества, против которого мы сражаемся. Мир откроется нам во всей своей красоте и радости. Мы научимся смотреть в лицо неизвестному, говорить друг с другом открыто, не бояться конфликтов. Мы сможем противостоять обществу самой силой наших желаний, смеха и жажды жизни. Мы откажемся от надёжных ответов и схем, мы разрушим безопасные тюрьмы, в которых мы сами себя похоронили, и предпочтём свободу, странствие, постижение, открытие. Но всё это будет возможно лишь тогда, когда мы разрушим субкультуру, которая связывает нас. Мы должны научиться рисковать, без этого не будет ничего.

2000

Хавьера Эрнандес ТИРАНИЯ СЛАБОСТИ

Сегодня мы сталкиваемся со слабостью повсюду. Мы слабы, или ведём себя так, словно мы слабы - из страха показаться чем-то иным.

Уже немодно быть уверенным в себе или понимать себя, как, впрочем, и других - или что-либо вообще. Это кажется устаревшим, а то и попросту дурным вкусом. Мы больше не стараемся делать вещи хорошо - я имею в виду те вещи, которые мы сами выбрали для себя и которые, как нам кажется, мы должны сделать. Вопреки всякой логике, мы делаем их плохо, кое-как, не обращая внимания на детали. И мы не то чтобы похваляемся своей слабостью, но пользуемся ею как неким экраном, за которым можно спрятаться.

Так мы стали рабами этого нового, быстро распространяющегося мифа о слабости. И мы вовсе не хотим говорить здесь о «силе», которая никогда не была ничем иным, кроме замаскированной слабости. Скорее, мы хотим осветить нынешнюю ситуацию. Преобладающий момент в ней - стирание ценностей, а также притупление тех инструментов, которые необходимы нам, чтобы жить и атаковать наших врагов. Главная модель сегодня - модель сдачи, отказа от борьбы, модель торможения. И это, разумеется, полностью в интересах власти. Мы перестали думать, мы мыслим неадекватно, мы подчиняемся потокам противоборствующих информационных каналов. Мы не действуем.

Наша персональность - нечто между идиотом и коллекционером марок. Мы понимаем мало, зато знаем много: множество бесполезных, разрозненных вещей. Мы - карманные энциклопедии анекдотических знаний.

Почему-то мы решили, что у нас есть право быть невежественными, глупыми, немощными.

Мы вручили эффективность в руки врага, утверждая, что модель эффективности принадлежит логике власти. Что ж, когда-то это было верно. Речь шла о разрушении экономики, и абсентизм, отказ от работы, дезертирство были правильными решениями. Но случилось так, что классовый враг выиграл ответную игру. И мы капитулировали, хотя речь шла о вещах, которые мы сами для себя выбрали.

Итак, мы посвящаем себя ловле бабочек и восточной философии, альтернативной кухне и модусам мышления -всему, чему недостаёт ясности и ярости. Вместо того, чтобы дождаться, когда выпадут наши зубы, мы сами вырываем их один за другим. Так что мы теперь счастливы и беззубы.

Лаборатории власти планируют очередную модель капитуляции для нас. И только для нас, разумеется. Для царствующего меньшинства, для «включённых» актуальная модель по-прежнему одна: агрессивность и наступление. А мы больше не являемся жестокими неуправляемыми варварами, способными на стихийные бунты и организованные восстания. Мы превратились в философов нирваны, в скептиков, сомневающих в правомочности действия, в денди и отстранённых созерцателей. Мы даже не заметили, как власть сдавила наши языки и черепа. Мы почти не в состоянии писать, а ведь это необходимо, чтобы быть понятыми и понимать других. Мы почти не в состоянии говорить. Мы вещаем на нищем жаргоне, навязанном телевидением, спортом, смрадным журнализмом. Мы болтаем на блатном языке, который якобы способствует коммуникации, а на самом деле кастрирует её.

Но что ещё хуже: мы уже не в состоянии совершить усилие. Мы не способны на свершение. Что-то наладить, кое-как почитать, наконец передохнуть... Встреча здесь, дискуссия там, беседа о том, о сём... И вот мы уже истощены, обессилены, распротёрты... С другой стороны, мы можем часами слушать музыку, иногда без всякого понимания, песни на языках, нам неизвестных, шум, имитирующий разрушение или строительство... И даже когда мы забываемся в созерцании природы (как мало от неё осталось!), мы не сами делаем вылазку -

её делают за нас. Все экологические пошлости, продаваемые капиталом в качестве «альтернатив», мы принимаем на веру. Мы лишаем себя опыта реальных отношений с природой, требующего силы и напряжения, настойчивости и борьбы, а вовсе не одного созерцания.

И не напоминайте мне об агрессивности капиталистов, от которых мы должны отличаться своей терпимостью. Я прекрасно знаю, что означает агрессивность капитала! Я говорю не об этом. В сущности, я вообще не говорю об агрессивности. Слова обманчивы, как известно. Что я действительно хочу сказать, так это то, что необходимо мыслить и действовать, а не убивать время впустую, пока лодка пожирается огнём.

Либо мы понимаем, что капитал захватывает всё вокруг, либо нет. Капитал и власть трансформируются, и эта трансформация перевернёт наши жизни вверх дном. Если мы не понимаем этого, что ж - нам остаётся ловить бабочек в наших грёзах, изучать дзэн-буддизм, гомеопатию, эскапистскую литературу, спорт или что там ещё, - вплоть до уютного отчуждения от самих себя, а заодно от грамматики и языка.

Но если мы понимаем перемены, происходящие в мире, если мы осознаём, как развивается проект капитала, как он намерен окончательно превратить нас в рабов, если мы постигаем культуру рабства, которая лишает нас самой возможности видеть и ненавидеть наши цепи, - тогда мы не можем уже мириться с пустой терпимостью и отказом от борьбы. И не нужно думать, что эти слова касаются только тех, кто позабыл о всяком бунте и мирно пасётся среди зелёных, оранжевых и прочих стад. Мы говорим здесь и о тех товарищах, которые полагают, что они всё ещё революционеры, а на самом деле переживают драму прогрессирующего умственного загрязнения - день за днём. Это, впрочем, не простой призыв к действию. Кладбища завалены такими призывами. Нет, мы говорим здесь о проекте, тщательно разработанном в лабораториях капитала и ныне пущенном в ход. Этот проект нацелен на постепенное и безболезненное уничтожение нашей способности к борьбе. Развёртывание этого проекта идёт рука об руку с глубоким переструктурированием капитала. Мы не призываем здесь к волонтаризму и не заламываем в отчаянии руки. Мы полагаем, что эти строки - скромный вклад в понимание серьёзных перемен, которые происходят вокруг нас.

1996

Альфредо Бонанно О САМООРГАНИЗАЦИИ

Нижеследующие заметки посвящены движению самоорганизации, которое якобы существует в современном анархизме. Сам я, впрочем, считаю, что этого движения нет. Там, где, как кажется, заметны его следы, в действительности обнаруживается обратное. Меня, конечно, легко обвинить в произвольности, однако критика должна прояснить природу вещей.

Для анархистов совершенно недостаточно создавать свои собственные структуры, будь то сквот, либертарная школа, альтернативный банк или кооперативная столовая, чтобы считать их самоорганизованными и самоуправляемыми. Необходимо,

чтобы эти структуры имели подлинно либертарную основу. И этот сущностный элемент не может быть чистой декларацией принципов. Иными словами, если мы назовём социальный центр анархистским, это ещё не значит, что он таковым является. Необходимо кое-что большее.

Во-первых, чтобы быть анархистской, деятельность структуры должна быть постоянно направлена на атаку власти во всех её формах.

Во-вторых, сама структура должна быть решительно отделена от власти. Иначе говоря, структура ни при каких обстоятельствах не может вступать в соглашения с существующими институциями (например, финансироваться, получать помещения, оборудование или что-либо другое).

Всё это не праздные вопросы. Мы не рассуждаем здесь о сексуальности ангелов, но о самых основополагающих вещах.

Если структура действительно против всех институций (то есть является подлинно анархистской), она не может вступать в переговоры ни с одной из них. Если же это происходит, она перестаёт быть «против», то есть не является более революционной и анархистской.

То же касается всего движения «самоорганизации».

Мы должны спросить себя: на чём основывается это движение?

Ответ будет таким: оно основывается на политическом феномене, который становится очевиднее с каждым днём. Власть нуждается не только в униженных и подавленных слугах. Ей нужны также люди, считающие себя свободными, а на самом деле бессознательно (или осознанно) принимающие правила, диктуемые господствующей игрой.

Подумайте о той роли, которую играют сегодня добровольные организации. Они претендуют на критику общества, но на самом деле находятся в согласии с институциями, в состоянии мирного соседства, в постоянном «перемирии» с ними. В результате власти удаётся фальсифицировать и захватывать идею самоорганизации, навязывать совершенно ложный образ самоуправляемой структуры. Ясно, что боссы и в дальнейшем будут приветствовать такую «самоорганизацию».

Проблема в том, что интересы, цели и деятельность существующих самоорганизованных структур несостоятельны и фальшивы.

Но если бы эти интересы и цели изменились, то есть если бы действия самоорганизованных структур стали угрозой для власти, то соглашения и мирное соседство с институциями сразу растворились бы в воздухе. Власть моментально вернулась бы к своему последнему козырю: прямому насилию.

Но что бы тогда случилось с товарищами, разоружёнными годами болтовни и соглашательства, а также глупыми фантазиями о жизни в независимом сообществе? Как они реагировали бы на насилие власти?

С другой стороны, «самоорганизованные» проекты различных марксистских и не-марксистских групп, объявляющих себя «зонами автономии», имеют другие задачи. Здесь признание институций и открытый, запрограммированный диалог с ними представляют собой долговременную политическую стратегию,

вынашиваемую уже много десятилетий. И тут действия (несмотря на всю теоретическую глупость) по крайней мере соответствуют цели (довольно, впрочем, недоступной), а именно: захвату политической власти.

Но какое отношение ко всему этому имеют анархисты?

1994

Альфредо Бонанно **ОТКАЗ ОТ ОРУЖИЯ**

«Отказ от оружия» - обязательный компонент антимилитаризма. Однако этот само собой разумеющийся концепт почти никогда не подвергался пристальному рассмотрению.

Будучи очевидными объектами, вооружения являются фундаментальными инструментами, на которых базируется не только армия как организация (которая потеряла бы всякий смысл без оружия), но и военная ментальность (которая прошла через серию авторитарных деформаций из-за использования оружия).

Это, безусловно, так. Армии во все времена были вооружены и выражали особую форму иерархической организации с фиксированной и строгой системой подчинения - именно потому, что использование оружия должно следовать точным правилам. То же самое касается ментальности. Вооружённый индивид ощущает себя иначе, чем безоружный, то есть более агрессивно, и, по всей видимости, легче преодолевает свойственные всем фрустрации, становясь навязчивым и трусливым в одно и то же время.

Однако милитаризм не способен, даже по собственному признанию, использовать оружие оптимальным образом. Он вынужден ставить возможное применение вооружений в политический и социальный контекст нестабильного равновесия, в контекст национальной и интернациональной игры интересов. В настоящее время чисто «милитаристское» использование оружия непредставимо. Оно привело бы тех, кто носит оружие, равно как и их боссов (а также тех, кто производит оружие) к раскручиванию параноидальной идеологии обороны, с помощью которой можно не только оправдывать применение вооружений, но и их производство и постоянное усовершенствование.

Когда антимилитаристы ограничиваются декларациями своих принципов, оружие остаётся чем-то символическим: абстрактным знаком разрушения и смерти. В противоположность этому, если бы антимилитаризм развивался конкретно и вёл к освобождению в материальном смысле, он перестал бы довольствоваться символическим отказом от оружия и перешёл к реальному делу.

Фактически, вооружения, будучи объектами, могут быть рассмотрены по-разному, исходя из конкретной точки зрения. Это верно для всех вещей, и оружие здесь не исключение. Причём это вовсе не релятивистское утверждение, а чисто материалистический принцип. Оружие, как инертный объект, не существует. Что действительно существует, так это оружие в действии, то есть оружие, которое используется (или может быть использовано) в определённой обстановке. Так это обстоит

и со всеми вещами, если мы хорошо рассудим. Мы склонны видеть вещи оторванными от исторического и материального контекста, как будто они какие-то абстракции. Если бы это было так, вещи остались бы без всякого значения, сведёнными к бессилию, как это часто происходит и в случае оружия. В действительности же вещи всегда является вещами в действии. За вещами всегда стоит индивид, который действует, планирует, использует средства, чтобы достичь цели.

Нет такой вещи, как абстрактное оружие (взятое как изолированный объект). Что есть, так это оружие, используемое в своих действиях армией, где оружие получает специфическое употребление как инструмент для «защиты отечества», «поддержки порядка», «уничтожения неверных», «завоевания территории» и т. п. Солдат, таким образом, овладевает не только ружьём или автоматом, но и целым набором идеологий (или ценностными моделями), которые он воплощает, используя оружие. Стеля, он чувствует себя, согласно обстоятельствам, защитником родины, строителем социального порядка, разрушителем зла, создателем государственной территории, истребителем врагов и т. д. И чем больше его роль соответствует функции жестокого палача, тем больше он во власти фабрикантов идеологий и капиталистического господства, тем больше его оружие оказывается слепым инструментом подавления и смерти. И даже если он бросит своё оружие, оно не перестанет быть объектом в заданных рамках, которые делают оружие инструментом смерти.

Однако, если проект индивида иной, если цель действия другая, то значение оружия меняется. Как средство, оружие никогда не освобождается от своей ограниченности: объект, посредством которого можно причинить ущерб и разрушение с достаточной лёгкостью (что и отличает оружие от других объектов, которые также могут стать оружием по необходимости). И мы вовсе не пытаемся здесь просто повторить, что «цель оправдывает средства». Цель -эмансипация, революция, анархия или любая другая освобождающая мечта о равенстве - оправдывает средства, но цель в то же время превращает оружие в другой «объект в действии». И тогда этот другой объект в действии тоже становится частью антимилитаристской борьбы, даже если оружие остаётся самим собой по своим эффектам.

В проекте освобождения за оружием стоит желание раз и навсегда разрушить господство и заставить боссов заплатить за тот ущерб, который они нам нанесли. Существует классовая ненависть эксплуатируемых к эксплуататорам. Существует конкретное материальное различие между теми, кто унижает, и теми, кто постоянно терпит унижение и желает истребить тех, кто унижает.

Всё это радикально отличается от идеологической болтовни о порядке и защите отечества.

Альфредо Бонанно
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА АНАРХИСТСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В МИЛАНЕ 13
ОКТАБРЯ 1985 ГОДА НА ТЕМУ «АНАРХИЗМ И
ПОВСТАНЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Я думаю, что в организации этой конференции есть странное противоречие между формальным аспектом -такой красивый зал (впрочем, это вопрос вкуса), я, сидящий наверху, большинство товарищей внизу, некоторых я хорошо знаю, других нет - и содержательным аспектом: попыткой обсуждать проект, направленный на разрушение всего этого. Как будто кто-то хочет сделать две разные вещи одновременно.

Данное противоречие коренится в самой жизни. Мы принуждены использовать инструменты правящего класса для подрывного и разрушительного проекта. Мы живём в отвратительном и ужасном мире, а в голове у нас прекрасные мечты.

У анархистов много проектов. Как правило, все они -творческие, однако в самом их центре находится разрушительный проект, основанный не только на воображении, но и на социальной реальности вокруг нас.

Исходя из этой реальности, мы предполагаем, что сегодняшнее общество движется к серии разрушительных извержений, поскольку его раздражают серьёзные противоречия.

Человек с улицы тоже думает о возможных социальных потрясениях. И как он их себе представляет? А вот как: вооружённые люди, горящие и перевёрнутые машины, разрушенные здания, плачущие дети, матери, мечущиеся в поисках своих малюток... Проблема, однако, заключается в том, что и для многих анархистов будущие социальные взрывы рисуются в тех же тонах. Когда речь заходит о революционной и повстанческой борьбе, многие воображают сцены Французской революции, баррикады, руины Парижской коммуны.

Разумеется, восстание не обходится без всего этого. Но одновременно оно - нечто большее. Повстанческий и революционный процесс включает в себя эти сцены, но также и многое другое. Мы сегодня собрались здесь как раз для того, чтобы это лучше уяснить.

Давайте избавимся от идеи восстания как баррикады и посмотрим, чем может стать восстание сегодня, а не в 1830-м, 1848-м или 1871-м году.

Мы живём в мире, где промышленное производство стремительно трансформируется, в обществе, которое обычно описывается как «пост-индустриальное». Нам говорят, что компьютерные сети стали важнее сталелитейных гигантов, а сфера услуг приносит такие же прибыли, как милитаристский бизнес.

И вот некоторые товарищи, ознакомившись с этими определениями и анализами, приходят к выводу, что старые революционные модели больше не годятся, что необходимо искать новые пути и что эти пути по необходимости отрицают старые.

Выраженные таким образом, вещи кажутся более логичными. Мы легко впечатляемся «новыми путями» и начинаем отрицать все старые модели. Но подождите минуту.

Я не хочу злоупотреблять здесь литературными цитатами, но однажды было сказано, что сила революционера определяется его способностью соединить будущее с элементами прошлого. Иными словами: поженить нож наших предков на компьютере наших потомков. Неплохо звучит, не так ли?

Я говорю это не потому, что испытываю тоску по миру, где противника атаковали с тесаком, зажатым между зубами, а потому, что считаю революционные инструменты прошлого по-прежнему действенными. В прошлом люди умели найти простые способы, чтобы ответить на давление власти. Почему же они должны утратить это умение в будущем? Глупо недооценивать традиционную силу народного восстания.

Взглянем на вещи трезво. Всегда что-то не срабатывало в капиталистическом проекте. Утопия капитала содержит в себе нечто технически ошибочное: она пытается одновременно делать три вещи, противоречащие друг другу. Во-первых, гарантировать благополучие меньшинства; во-вторых, эксплуатировать большинство до границ выживания; и в-третьих, препятствовать восстанию большинства якобы в его же интересах (во имя его прав).

Теперь зададим себе вопрос: исчезли ли эти противоречия в «пост-индустриальном» обществе? Нет, они не исчезли. Компьютерная операция в каком-нибудь миланском небоскрёбе может запустить текстильное производство где-нибудь в Малайзии. Обещает ли это лучшую жизнь? Может быть - кое-кому. Во всяком случае, не всем. Если бы современный капитализм мог действительно качественно улучшить жизнь всех, тогда мы могли бы спокойно отправиться домой - мы все стали бы приверженцами капиталистической идеологии. Но проблема в том, что улучшение обеспечено немногим и что этот привилегированный слой всё более закрывается в себе. Привилегированные будущего найдут себя примерно в той же ситуации, что тевтонские рыцари Средних веков: запертыми в крепости «равнопривилегированных», окружёнными крепкими стенами, за которыми - бесчисленные бедняки, пытающиеся проникнуть в крепость.

В настоящее время группа привилегированных включает в себя не только крупных капиталистов, но и социальный слой, состоящий из средних и верхних кадров. Это очень большой слой, даже если он крайне ограничен по сравнению с массами эксплуатируемых. Можно назвать этот слой «включёнными». Что же вы думаете: эти включённые, живущие в «крепости», действительно окружают себя стенами, колючей проволокой, армией, полицией и телохранителями? Лично я так не думаю.

Неприступные стены, гетто, спальные районы, полиция и пытки - все эти вещи, довольно заметные сегодня (и эксплуатируемые во всём мире продолжают умирать в этих застенках) - могут сильно измениться в ближайшем будущем. (Не забудьте, что я говорю о проекте, существующем пока лишь в качестве тенденции.) Важно понять, что пять или десять лет сегодня соответствуют сотням лет в недалёком прошлом. Капиталистический проект движется с небывалой скоростью. Те изменения, которые произошли между 1960-м и 1968-м

годом, заняли бы сейчас несколько месяцев. Это надо помнить, говоря о трансформации капитала.

Так как же хотят обезопасить себя включённые? Ответ таков: они надеются отрезать исключённых от себя. Как отрезать? А так: отрезав коммуникацию.

Мы подошли к главному концепту власти будущего. Он должен быть рассмотрен как можно глубже. Отрезать коммуникацию означает две вещи: с одной стороны, создать редуцированный, предельно обеднённый язык, обладающий абсолютно элементарным кодом. Язык, позволяющий исключённым пользоваться компьютером, и только. Что-то крайне простое, примиряющее с жизнью, не дающее о ней задуматься и взбунтоваться. И с другой стороны: дать включённым «язык включённых», то есть снабдить их сложной и разветвлённой программой сохранения власти, продвижения вглубь утопии привилегированных, проекта капитала.

Вот что будет реальной стеной - отсутствие общего языка. И эта стена - выше любой тюремной, на неё непросто взобраться.

Эта проблема имеет много интересных аспектов. Прежде всего рассмотрим ситуацию самих включённых. Не нужно забывать, что в мире привилегий найдутся люди, не чуждые революционно-идеологическому знанию и опыту. Им будет ненавистна их привилегированная жизнь, они будут чувствовать себя задушенными в тевтонском замке. И они станут шипом в боку капиталистического проекта. Они окажутся классовыми перебежчиками, теми, кто бросит свой класс ради восстания. Такие люди, как мы знаем, встречались и раньше. Я сам прежде принадлежал к привилегированному классу. И я покинул его, чтобы стать «товарищем среди товарищей». Я ушёл от привилегированных вчерашнего дня к революционерам сегодняшнего. И что же я принёс с собой? Я принёс мою гуманистическую культуру. Я могу вам дать только слова. Однако перебежчик завтрашнего дня, будущий революционер, захватит с собой из привилегированного класса технологию. И это будет важно, поскольку одной из главных характеристик завтрашнего капиталистического проекта (и принципиальным его условием) станет дистрибуция знания, уже не пирамидальная, но горизонтальная. Капиталу понадобится дистрибутировать знание в более разумном и равноправном модусе - но всегда только в классе включённых. Поэтому дезертиры привилегированных завтрашнего дня принесут с собой много полезного с революционной точки зрения.

А исключённые? Будут ли они покорны? В самом деле: что они могут потребовать, если коммуникация отрезана? Чтобы что-либо требовать, нужно знать, чего вы хотите. Невозможно требовать нечто, о чём ты ничего не знаешь, что тебе абсолютно недоступно и не стимулирует твоё желание. Разрушение общего языка делает реформизм (частичное требование лучших условий) совершенно устаревшим. Реформизм базировался на общем языке, существовавшем между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Но если языки разные, ничего нельзя попросить или потребовать. Я не могу интересоваться тем, чего

я не знаю. Таким образом, капиталистический проект будущего - «пост-индустриальный проект», как это обычно представляется - будет сущностно базироваться на покорности эксплуатируемых. Им будет навязан код поведения, основанный на очень простых элементах. Они смогут пользоваться телефоном, телевизором, компьютером и всеми остальными объектами, удовлетворяющими первичную, вторичную и прочие нужды исключённых, и в то же время гарантирующими, что они под контролем. Это будет скорее безболезненная, чем кровавая процедура подавления. Попытки кончатся. Никаких вырванных ногтей и отрезанных гениталий. Это прекратится - до определённой степени, разумеется. Если нужно, они к этому прибегнут. Но в целом и целом - покров молчания падёт на головы исключённых.

Однако во всём этом есть один промах. Бунт в человеке связан не только с нуждой, с осознанием недостатка чего-либо и с восстанием против этого. Такой концепт бунта - чисто просветительский и восходит к английской философской идеологии, к Бентаму, к утилитаристским идеям. Последние 150 лет наша идеологическая пропаганда базировалась на этих рационалистических предпосылках, постоянно говоря, что нам чего-то не хватает и что необходимо восполнить этот недостаток для всех, потому что мы все равны. Но, товарищи, вместе с языком власть собирается отрезать и эти концепты равенства, братства, гуманности. Включённые завтрашнего дня не будут испытывать братских чувств по отношению к исключённым, но будут ощущать их как нечто совершенно другое. Исключённые завтрашнего дня будут вне тевтонского замка и не смогут рассматривать включённых как своих возможных послереволюционных товарищей.

Включённые и исключённые будут две разные вещи. Примерно так же, как сегодня я считаю свою собаку «другой», потому что она не говорит, а лает. Разумеется, я люблю свою собаку, она мне полезна, она меня охраняет, машет своим хвостом, но мне не придёт в голову сражаться за равенство между человеческой и собачьей породой. Это по ту сторону моего воображения, это другое. Трагически, такое разделение языков может произойти в будущем. И даже сейчас, разве мы не наблюдаем ограничение языкового кода исключённых, проявляющееся в новых звуках, образах, красках, картинках? Исчезает традиционный код, основанный на слове, на анализе, на общем языке. Не забывайте, что этот традиционный код был базисом просветительского, прогрессивного анализа, принципиального для всей революционной идеологии - и авторитарной и анархистской. Анархисты по-прежнему привязаны к этому концепту, связанному с силой слова, с важностью критики. Но если капитал отрежет слово, всё будет по-другому. Мы все так или иначе знаем, что многие молодые люди сегодня вообще не читают. Они слушают музыку, их трогают образы (телевидение, кино, комиксы). Но эти техники, как вам могут объяснить компетентные люди, обладают одной особенностью (особенно в руках власти). А именно: они могут достичь иррациональных чувств, существующих в каждом из нас. Иными словами, значение рациональности как средства убеждения и двигателя самосознания, способного вести нас в

атаку на классового врага, падает. Оно ещё не исчезло совсем, но резко снизилось.

Так на каком же основании будут действовать исключённые? (Поскольку они несомненно продолжают действовать.) Они будут действовать на основании сильных иррациональных импульсов.

Товарищи, я хочу, чтобы вы задумались о некоторых вещах, уже сегодня происходящих, например, в Великобритании, стране продвинутого капитализма. Я говорю о феномене спонтанных, иррациональных бунтов.

В этой точке мы должны полностью осознать разницу между бунтом и восстанием. Бунт - это движение людей, содержащее сильные иррациональные характеристики. Бунт может начаться по любому поводу: кто-то арестован на улице, полиция во время облавы застрелила человека, драка возникла между футбольными болельщиками. Не стоит пугаться этого феномена. Знаете, почему мы пугаемся? Потому что мы - носители идеологии прогресса и просвещения. Потому что мы думаем, что эта идеология истинна, и что все иррациональные индивиды - фашистские провокаторы, а значит их нужно как можно скорее заткнуть.

На самом деле всё обстоит иначе. В будущем бунты будут иррациональными и немотивированными. Я чувствую, как страх распространяется среди товарищей, а заодно - желание вернуться к методам, основанным на ценностях прошлого. Но я не думаю, что эти методы просуществуют долго. Конечно, мы продолжим издавать наши газеты, книги, брошюры, однако людей с лингвистическими наклонностями, способных читать и понимать наши анализы, станет всё меньше.

Что вызовет эту ситуацию? Да сама реальность, чреватая восстаниями. И какой будет наша задача? Продолжать споры, опираясь на методы прошлого? Или попытаться направить эти спонтанные, взрывные ситуации бунта в эффективное повстанческое русло, чтобы атаковать не только включённых, запертых в своём тевтонском замке, но и самый механизм, отрезающий язык? В будущем мы должны будем работать над повстанческими и революционными кодами, которые могут быть прочитаны и поняты исключёнными.

Будем говорить просто. Мы не можем построить альтернативную школу, способную снабжать рациональными инструментами людей, не готовых ими пользоваться. Мы не можем повторить работу, проделанную оппозицией в то время, когда ещё существовал общий язык. Сейчас, когда боссы и их хирурги отрезали коммуникацию, мы не можем создать альтернативу. Эту было бы всего лишь повторением ошибок прошлого. Однако мы можем использовать те же инструменты (образы, звуки и т. д.) для того, чтобы передать концепты, способные превратить ситуации бунта в революционное восстание. Эту работу мы можем проделать, и мы должны её начать уже сегодня. Так мы приблизимся к восстанию.

Есть товарищи, которые думают, что мы остались в восемнадцатом веке и окончательно устарели. В противоположность им я думаю, что мы можем построить изящный воздушный мост, способный связать орудия прошлого с

гневом будущего. Разумеется, это будет непросто. Первый враг, которого нам придётся поразить, - наша собственная боязнь новых ситуаций, вещей, которых мы не понимаем, дискурсов, чуждых нашему дряхлому рационализму.

Однако необходимо совершить усилие. Некоторые товарищи призывают к атаке в стиле луддитов. Несомненно, атака всегда хороша, но луддизм - дело прошлого. Луддиты говорили на одном языке с теми, кто владел машинами. Существовал общий язык, разделяемый владельцами первых фабрик и сопротивляющимся пролетариатом. Одна сторона ела, а другая не ела, но, несмотря на это различие, у них был общий язык. Сегодняшняя реальность трагически другая. И в будущем разрыв только увеличится. Поэтому необходимо подготавливать бунты. Мы не можем позволить себе появляться с нашими флагами на улицах, которые уже пылают. Это позорно. В этом случае исключённые с отвращением отвернутся от нас: «К чёрту таких гостей!». Что мы можем сказать тем, кто бунтует против никчёмности своей жизни, хотя дома у них есть цветной телевизор и холодильник, набитый котлетами, бананами и пивом? Что мы можем предложить тем, кто купил машину и видео, но всё же вышел на улицу, чтобы жечь полицейский участок? Будем мы им читать лекцию об анархистской организации девятнадцатого века? Или предложим им повстанческий дискурс Малатесты? Нет, это невозможно. Это устарело. Поэтому мы должны найти другой путь - и как можно скорее.

Другой путь должен быть найден прежде всего для нас самих, чтобы мы смогли преодолеть старые привычки и научились видеть новую реальность. И когда вокруг нас взрываются бунты, мы не должны появляться на них в качестве гостей и соглядатаев. Мы должны быть там как участники и носители проекта, который был изучен и рассмотрен в деталях заранее.

Каков же этот проект? Несомненно, это проект объединения с исключёнными в атаке, но уже не на идеологическом основании, не через дискурсы, базирующиеся на старых концептах классовой борьбы, но на основе чего-то непосредственного и актуального, связанного с наличествующей реальностью, даже с разными реальностями. Мы должны сами создавать ситуации напряжения и возгорания. Если мы попытаемся разрабатывать эти ситуации на идеологической основе, нас не примут. Контакт должен произойти иначе, организованно, но по-другому. Он не может состояться через большую организацию с просвещенческой или романтической идеологией. Организация должна быть подвижной и стремительной, яростной и весёлой, то есть это будет неформальная анархистская организация - союз товарищей, обладающих анархистским классовым сознанием, но признавших ограниченность старых моделей и выявивших возможность иных, более рискованных подходов. Эта организация должна действительно затронуть реальность вещей, развить ясный анализ и сделать его доступным, используя не только орудия прошлого, но и инструменты будущего. Позвольте мне напомнить, что разница между орудиями прошлого и будущего заключается вовсе не в том, чтобы добавить несколько новых параграфов (или фотографий) к нашим старым тезисам. И дело не просто в другом - более

юмористическом и менее занудном - тоне нашего письма. Мы должны действительно осознать, что такое инструменты будущего, мы должны начать создавать их - повстанческие орудия будущего - и мы должны совместить их с ножом наших предков, который они стискивали в зубах. Именно так мы построим воздушный мост, о котором я сказал.

Итак, неформальная организация должна создать простой дискурс с большими целями. И хватит говорить, что каждая атака должна вести к социальной революции. Разве пристало анархистам нести такой вздор? Будьте уверены, товарищи, что социальная революция не за ближайшим углом. У этой улицы много углов и это очень длинная улица. Поэтому точные и быстрые атаки (даже с ограниченными задачами), понятные и близкие исключённым, крайне важны. Организация, способная находиться «внутри» вспыхнувшего бунта и активно разжигаящая его, может трансформировать этот бунт в восстание с революционными целями, если будет использовать правильные инструменты и методы. Это и есть задача повстанческих анархистов. Другие же дороги сегодня перекрыты.

Конечно, остаётся возможность двигаться по пути традиционной организации, пропаганды, анархистского просвещения и полемического обсуждения (что мы сейчас и делаем). Развитие капитализма, о котором я говорил, пока лишь тенденция. Однако, будучи революционными анархистами, мы обязаны предвидеть эту линию развития и готовиться к необходимости трансформировать иррациональные ситуации бунта в повстанческую и революционную действительность.